

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **2** *2018*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2018

Журнал «Политическая наука»

Коллектив авторов

Политическая наука №2/ 2018

«Агентство научных изданий»

2018

УДК 32
ББК 66.0

Коллектив авторов

Политическая наука №2/ 2018 / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2018 — (Журнал «Политическая наука»)

В 2018 г. в России начался новый президентский цикл, с которым, как это часто бывает, связывают возможные новации в жизни общества. «Страна, – полагают специалисты, которых мы цитируем в этом номере журнала, – замерла в ожидании положительных перемен и боится, как бы не вышло хуже». Одна из необходимых перемен, по мнению большинства политологов – авторов номера, – выработка и реализация современной политики, ориентированной на решение трудных задач, стоящих перед страной во внутреннем и внешнем контурах. Важной предпосылкой разработки такой политики является анализ состояния политического в России, изучение возможностей и условий конституирования политического поля / пространства как сферы развертывания политических практик и функционирования политического государства.

УДК 32
ББК 66.0

Содержание

Представляем номер	5
Состояние дисциплины: Политическое поле и политика	8
Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России	8
Гендер: Граница и / или измерение политического поля.	21
Перечитывая классиков	
Определение политического через свободу от произвола: Абрис гражданственности в неоклассическом республиканизме	33
Делиберация как фактор конституирования поля современной политики	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Политическая наука № 2 / 2018

Представляем номер

В 2018 г. в России начался новый президентский цикл, с которым, как это часто бывает, связывают возможные новации в жизни общества. «Страна, – полагают специалисты, которых мы цитируем в этом номере журнала, – замерла в ожидании положительных перемен и боится, как бы не вышло хуже».

Одна из необходимых перемен, по мнению большинства политологов – авторов номера, – выработка и реализация современной политики, ориентированной на решение трудных задач, стоящих перед страной во внутреннем и внешнем контурах. Важной предпосылкой разработки такой политики является анализ состояния политического в России, изучение возможностей и условий конституирования политического поля / пространства как сферы развертывания политических практик и функционирования политического государства.

Открывает номер традиционная рубрика «Состояние дисциплины». В ней представлены материалы, в которых на основе альтернативного понимания политического с позиций классической (арендтовской) и современной республиканистской традиций, институционального и гендерного подходов раскрываются различные аспекты формирования политического поля и реализации политики современного типа.

В статье С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой состояние, предпосылки, условия и критерии конституирования политического пространства в современной России рассматриваются сквозь призму идеал-типического конструкта политического поля и разработанного авторами понятия «зона власти». Опираясь на результаты многолетних исследований, авторы выделяют институциональные проблемы, препятствующие реализации политики современного типа, и ставят вопросы о необходимости обновленной интеграции на социетальном уровне и о готовности современной власти к стратегическому повороту в направлении новой модели развития. В статье С.Г. Айвазовой анализируется взаимообусловленность сфер политического и гендерного. Обращаясь к разработкам классиков политической социологии Х. Арендт, П. Бурдьё и др., автор показывает, что структуры «политического поля» и «зоны власти» могут быть разведены как публичное – маскулинное и приватное – феминное, а гендерная поляризация и субординация связаны с устойчивостью социальных иерархий. На основе исторического материала показано, как борьба за гендерное равноправие приводит к трансформации («гендерному переделу») политического поля; во многих обществах, однако, гендер по-прежнему остается «границей» политического поля, и проблема ее преодоления не утрачивает свою актуальность. Еще один подход к анализу конституирования политического поля представлен в статье И.Л. Недяк, которая опирается на представленное в неоклассическом республиканизме понимание сферы политического как пространства, свободного от произвола. Политическое предстает в качестве события, которое происходит при сочетании определенных обстоятельств, отсюда – необходимость анализа многочисленных факторов, которые могут приближать или отдалять это событие. К первым относятся создание неманипулируемой и устойчивой к коррупции системы, утверждение приоритета социальной справедливости, широкое распространение гражданственности; ко вторым – многочисленные негативные последствия экспансии этоса и принципов рынка в сферу политического. Наконец, в статье Т.В. Павловой анализируется «делиберативный поворот» в современной политической теории. Рассмотрев основные нормативные принципы делиберации как нового способа политического участия, автор приходит к выводу, что практики делиберации могут стать одним из важных способов конститу-

ирования поля современной политики. В статье также сформулированы условия, при которых возможна имплементация данной модели в России.

Тему продолжают материалы рубрики «Ракурсы», в которых представлены разные аспекты исследования политики в контексте проблемы трансформации протополитического в политическое. Л.Е. Филиппова рассматривает возможность использования в теоретическом анализе процессов конституирования и структурирования политического поля концептов «политизация» (возникновение возможностей артикуляции социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания) и «деполитизация» (отрицание конфликтности, упразднение возможности выбора и разрушение правил политического взаимодействия). Показано, что механизмом (вос)производства и горизонтального структурирования политического поля является конкуренция альтернативных стратегических проектов, содержащих принципы устройства общества, цели и направления его развития. В статье А.М. Кучинова показано, что политика как институционализированная, основанная на правилах, а не на насилии, конкуренция проектов и решений, ориентированных на всеобщее благо, среди неограниченного круга свободных граждан, может замещаться квазиполитикой. Автор анализирует такие формы квазиполитики, как недополитика (мерцающая политика и протополитика) и ингибиторы политики (дополитика и антиполитика). Анализ динамики использования некоторых понятий, отражающих понимание происходящих процессов, приводит автора к выводу, что в России последнего десятилетия вряд ли происходило сколько-нибудь отчетливое формирование политического пространства. Л.Г. Панов предлагает использовать для анализа состояния российской политики концепт «институциональных логик», призванный обозначить категории, представления и принципы, которые позволяют индивидам делать социальную реальность осмысленной, предоставляют рациональность для оценки приемлемости тех или иных решений, а также лежат в основании общественных институтов.

В следующем разделе «Идеи и практики» представлены материалы, в которых исследуются субъективные измерения феномена политического поля и политики – массовое сознание, идентичность и субъектность. Г.Л. Кертман, анализируя особенности восприятия публичной политики, характерные для российской политической культуры, показывает ценностные основания дистанцирования «среднего россиянина» от политики и его некомпетентности в вопросах институционального дизайна государства и политической системы. Проведенный автором анализ интерпретационных схем, циркулирующих в массовом сознании, позволяет оценить перспективы формирования в России массового «зрителя» – пристрастного наблюдателя, необходимого для конституирования политического поля. В статье О.В. Поповой идет речь о механизмах формирования моделей политической идентичности различных групп населения в современной России. Автор раскрывает причины фрагментированности и противоречивости этих моделей, а также неэффективности попыток политической элиты и других акторов политического поля предложить населению свои модели идентичности. В статье также проанализированы базовая матрица государственной и политической идентичности и наиболее существенные характеристики, задающие спектр политических оценок. В статье А.А. Бельковой с помощью концепции неопатримониализма исследуются проблема клановости в политике и сосуществование патримониальных отношений и рационального государства. Анализ языка описания бурятской политики, сформированного в публичном пространстве, позволяет реконструировать место и роль так называемого семейского клана в политическом пространстве региона. В статье О.А. Мирясовой с помощью эмпирического материала иллюстрируются возможности применения концептов «политического поля», «протополитического поля» и «зоны власти» для изучения перспектив и проблем формирования гражданской субъектности в современной России. Автор подчеркивает значение формальных гражданских прав, эмпауэрмента и мобилизующих акторов для обеспечения субъектности граждан.

Особенностью рубрики «Контекст» в этот раз стал широко понимаемый региональный поворот материалов, раскрывающих подчас необычные стороны проблематики данного номера. В статье казахстанских ученых З.Д. Шаймардановой и Ж.К. Макашева рассмотрен феномен включения субнациональных акторов в международные отношения. На примере Павлодарской и Омской областей показано развитие парадипломатии – приграничного сотрудничества в регионе, роль субнациональных акторов в разрешении конфликтов и имеющиеся противоречия в этом вопросе, выделены факторы, влияющие на усиление этой роли. В работе нижегородских исследователей Н.К. Радиной, А.И. Козловой и А.А. Набоковой предложен алгоритм идентификации контекстуальных (смысловых) идеологем как метода изучения продуктов политического поля и представлены итоги его апробации на документах региональной политики Нижегородского региона и Нижнего Новгорода. Этот алгоритм может быть рекомендован для идентификации контекстуальных идеологем в рамках решения множества задач, связанных с деятельностью агентов политического поля, чьи цели, задачи и активность отражены в порожденных ими документах. В статье Я. Лю (Владивосток) проанализирована репрезентация сельских протестов 2011 г. в китайских официальных и неофициальных медиа. Показано, что через «журналистские» преобразования событий (преуменьшение «антисистемной» радикальности протестов, вписывание их в рамки углубления реформ и т.д.) осуществляется де- / реполитизация протестов в медиа.

Завершает номер рубрика «С книжной полки». В рецензии на книгу Н. Флигстина и Д. Макадама «Теория полей» М.О. Комин дает оценку возможности применения теории стратегических полей взаимодействия для анализа поля российской политики, подчеркивая, что одним из преимуществ данной теории является внимание не только к формальным институтам и акторам, но и к неформальным нормам и практикам. В статье В.О. Деткиной представлен обзор ряда диссертаций отечественных исследователей XXI в., научный интерес которых сосредоточен вокруг теории политического пространства. Среди авторов – не только политологи, но также философы и социологи. Подходы к определению и концептуализации, необходимость переосмысления понимания «политического пространства» в условиях современных трансформационных процессов являются центральной темой работ, представленных в обзоре. Материалы этой рубрики еще раз показывают актуальный интерес исследователей разных поколений к проблематике номера.

Мы надеемся, что читатели «Политической науки» также не останутся безразличны к представленным в номере исследовательским материалам, многие из которых имеют открыто дискуссионный характер.

*Е.Ю. Мелешкина,
С.В. Патрушев,
Л.Е. Филиппова*

Состояние дисциплины: Политическое поле и политика

Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России

С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова¹

Аннотация. Цель исследования, представленного в данной статье, – развить институциональный подход для анализа перспектив формирования современной политики в России. При этом решается исследовательская задача изучить возможности и условия конституирования политического поля / пространства как сферы развертывания политических практик. Показаны институциональные проблемы, препятствующие реализации политики современного типа. На основе идеал-типического конструкта политического поля и разработанного авторами понятия «зона власти» рассматриваются состояние, предпосылки, условия и критерии конституирования политического пространства в современной России. Обсуждается возможность стратегического поворота власти к новой модели развития.

Ключевые слова: политическое поле; политическое пространство; политика; зона власти; Россия.

S.V. Patrushev, L.E. Philippova

Institutional problems of the constitution of political field and politics in contemporary Russia

Abstract. The aim of the research presented in this article is to develop an institutional approach for analyzing the prospects of formation of modern politics in Russia. The research task is set to study the possibilities and conditions for constituting of a political field / space as a sphere for deployment of political practices. Institutional problems that impede implementation of modern-type politics are shown. The status, prerequisites, conditions and criteria for constituting of a political space in modern Russia are considered on the base of the ideal-typical construct of political field and the notion of «zone of power» developed by the authors. The possibility of a strategic turn of today's authorities towards a new development model is being discussed.

Keywords: political field; political space; politics; Russia.

¹ **Патрушев Сергей Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), профессор Всероссийской академии внешней торговли (Москва, Россия), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com **Patrushev Sergey**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Philippova Liudmila**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Введение. О пространстве, поле и политике

Словосочетание «социальное пространство», введенное Г. Зиммелем в 1903 г., развил П. Сорокин в 1920 г. в «Системе социологии», определив его как многомерное пространство, включающее политическое измерение. При этом Г. Зиммель отмечал, что «единственная область, в которой социальные образования рано стали осознаваться как таковые, – это область практической политики» [Зиммель, 1996, с. 321]. Зиммель обосновывал это тем, что «в сфере политики необходимое для всякого осознания различие было дано посредством противопоставления одних групп другим, и, кроме того, в политическом аспекте отношение между отдельным человеком и всеобщностью требует очень заметного вклада именно от человека, что всегда пробуждает более ясное сознание, в отличие от преобладающего восприятия индивидом других отношений между ним и его группой» [там же].

Термины «политическое пространство», «политическое поле» начинают активно использоваться в западной политической науке с 1980-х годов, в Россию они приходят десятилетием позже. Поле / пространство политики исследуется как «объективное» (по аналогии с физическим пространством²) или «субъективное»; как «статичное» (структуры, конфигурации) или «динамичное» (деятельность / действие), *транзитивное*; а также соотносится с *другими полями / пространствами* (экономическим, правовым и пр.) [Martin, 2003; Political field theory...; Пространство в России... 2003; Пушкарева, 2012; Солодка, 2016; Цветкова, 2014].

Наряду с этим обсуждаются вопросы о том, что делает поле «политическим» и, соответственно, как определяется политическое; в чем различие между политическим, административным и властным полями [Кордонский, 2006]. Подчеркнем, что дискуссия вокруг этой проблемы не просто постоянно воспроизводится, но, кажется, и не прекращается. На переломе столетий российский социолог М.Н. Афанасьев в очередной раз констатировал: «Вся эта “политика”, о которой нам рассказывают, в строгом смысле слова *политикой* не является, ибо последняя есть сфера всеобщего – пространство общественного дискурса для согласования социальных интересов и программ общего действия. Но эксперты и обозреватели вполне адекватны – они толкуют о том, что видят. Неадекватен наш теоретический язык: как только речь заходит о “государстве” и “обществе”, мы сразу начинаем рассуждать в понятиях “политический институт”, “классы и социальные группы”, “элиты”, – т.е. в понятиях, разработанных в ином цивилизационном контексте и отражающих социальное бытие-сознание иного рода – в понятиях *публичной власти* и *гражданского общества*» [Афанасьев, 2000, с. 29–30]. Несмотря на очевидное продвижение российской политической науки за прошедшие почти два десятилетия [см.: Тенденции... 2018], мы можем повторить практически то же самое относительно теоретического языка современных политологических исследований России.

Понятие политического, введенное и обоснованное К. Шмиттом, предполагает, что оно существует там, где есть противостояние политических, публичных врагов [Schmitt, 1932]. Шмитт называет это экзистенциальным противостоянием, т.е. противостоянием людей, которые действительно готовы умирать в этой борьбе. Если экзистенциального противостояния нет, тогда нет и политического. Политическое предполагает также свободу. Политика есть там, где некоторая общность усматривает себя как единство через определенного рода организацию коллективных действий. Политическое – это возможность коллективного действия, причем именно через него только и опознается производящая это действие коллективность, про-

² Идея поля используется в физике для интерпретации того, как повсеместная сила – пространство-время или электромагнетизм – внутри окружающей среды может быть причиной изменения в любом заданном объекте. В физическом смысле классическое поле представляет собой динамическую систему с бесконечным количеством степеней свободы, помеченных пространственным расположением [Togge, 2016].

исходит артикуляция власти как материальной, ограничивающей силы и трансцендирующего коллективность авторитета [Филиппов, 2005; 2012].

Понимание политического пространства эволюционировало от представления об административно-географической территории, на которой протекает политическая жизнь, к видению политического пространства как разновидности социального, *которое* складывается ансамблем различных полей, включая «поле власти» – пространство силовых отношений между агентами и институтами [Бурдье, 2005, с. 369]. Дальнейшее продвижение, на наш взгляд, возможно, если отталкиваться от того «политического воображаемого», которое индивиды полагают в качестве политики. Так, например, нами было показано, что политика в России воспринимается людьми как «место» функционирования власти, принципиально отличное от остального общества (и, в значительной мере, враждебное ему) [Гражданское и политическое... 2013].

Термин «поле» может быть в известном смысле соотнесен с термином «порядок» как системой или упорядоченным способом ведения дел (см. подробнее исследование П.В. Панова [Панов, 2011]). Отсюда возникает ключевая проблема правил, система которых обеспечивает порядок и, строго говоря, им является, – как правила создаются и изменяются акторами? Порядок – это организационные структуры, которые формируют жизнь людей и варьируются от места к месту или от группы к группе. Порядок (в целостном древнегреческом смысле *politeia* – *политии*) – это не только институты, но и ценности, «инстинкты», привычки и обычаи [Regime...].

«Порядок» в большей мере допускает критическое участие и сознательные действия, поскольку теоретизация в понятиях «порядка» связывает фундаментальные конфликты с ценностями, идеологиями и идентичностями, а также с силовыми структурами, – все они, в принципе, могут быть изменены.

Современные системы – это множество дифференцированных подполей с отношениями внутри и между ними, структурирующими поведение человека. Каждая область имеет собственные правила игры. По словам голландского социолога Э. Хендрикса, «порядок означает то, как социальные поля, их системы престижа, логика и концепции человеческого благосостояния отличаются друг от друга и иерархизируются» [Hendriks].

Использование концепта «политическое пространство» (и «политическое поле») определяется целью и методологией исследования. Методология и инструментарий зависят от смыслового наполнения понятия.

Мы понимаем под политическим пространством публичную сферу институционализированных взаимодействий, диалога и конфликта по поводу общих целей и значимых проблем, стратегических решений для общества.

Как идеал-типический конструкт политическое поле представляет собой пространство отношений политических акторов, идентифицирующих себя по принципу «свой – чужой»; сферу производства (а) конвенций и «правил игры», т.е. институций, и (б) общих целей и ценностей, которые становятся основой для социетальной интеграции и легитимации социального порядка; предпосылку универсализации норм (в форме законов), конституирования и функционирования политического государства.

Соответственно, признаками формирования политического поля являются: образование политических идентичностей (расколов) и их идеологическое оформление; расширение индивидуального и коллективного участия; институционализация конфликта и диалога между гражданами, а также между гражданами и государством; правовая универсализация норм и процедур взаимодействия внутри политического сообщества.

Политические поля изменяются на основе набора убеждений людей. Применение общих правил к группе или подгруппе субъектов означает, что правила облегчают достижение интересов для одних участников и затрудняют для других. Таким образом, в любой момент вре-

мени некоторые участники желают преобразовать существующие структуры правил, а другие захотят их сохранить.

Возможность институционализации политического пространства

Предпосылка институционализации сферы политического – (прото)политическое сообщество, образуемое взаимодействиями индивидуальных и коллективных акторов, структурированное по горизонтали (идентификация акторов с нормативно-ценностными конфигурациями и конкретными проектами развития) и по вертикали (возможности акторов влиять на изменения и результаты политики). Формирование политики современного типа, гражданского общества на основе солидарности граждан, универсального политического порядка, политического института государства предполагает обновление морального порядка, эмпауэрмент на основе вовлечения индивидов в публичные практики и приобретения ими навыков политических действий (= обретение субъектности), социальную интеграцию на базе универсализации действующих норм.

Проводимое научным коллективом отдела сравнительных политических исследований ИС РАН с середины 1990-х годов изучение российской политики в разных ее измерениях, преимущественно с институциональной точки зрения [Институциональная политология... 2006; Социальные сети... 2006; Социальные сети... 2007; Новые направления... 2007; Россия в процессе реформ, 2009; Модернизация и политика... 2011; Граждане и политические практики... 2011; Гражданское и политическое... 2013; Массовая политика... 2016], позволило выявить важные проблемы и характеристики феномена «политического» в России и, как следствие, потребовало разработать новый методологический подход и новое теоретическое понимание тех явлений и процессов, которые нередко определяются исследователями как «политические».

Речь идет об исследовании предпосылок и условий формирования политического в России, прежде всего конституирования политического пространства как сферы политических практик. Понятие политического пространства предполагает нелинейность и целостность, задает исследовательские границы, но не предопределяет характера политической деятельности, которая может здесь разворачиваться.

В России сложился ряд институциональных проблем, препятствующих конституированию политического пространства в указанном выше смысле и, соответственно, возникновению политики вообще и политики современного типа в частности. Главные из этих проблем перечислены ниже.

- Неартикулированность политических позиций и структур, проблематичность становления и институционализации любых политических образований, например партий, движений и идейных течений [см.: Гражданское и политическое... 2013, с. 7].

- Политическая дифференциация основана не на идеологиях или альтернативах развития страны, а определяется лишь поддержкой власти или оппозицией к ней [см.: там же, с. 29–30].

- Перенос неформальных отношений из сферы повседневной в публичную и их воспроизводство в публичной сфере, дефицит реципрокности в исполнении публичных ролей – пренебрежение властей к правам граждан и ответное безразличие граждан к установленным законом обязанностям [см.: Институциональная политология, 2006, с. 106].

- Устойчивая деформализация формальных норм и правил: политические институты остаются «фасадными», а политические практики регулируются неформальными нормами, которыми руководствуются как рядовые граждане, так и властные структуры [см.: там же, с. 350].

– Незавершённость институционального дизайна как следствие процессов деформализации: проблема не в дефиците институтов, а в том, как они реально действуют.

– Фрагментированность и несвязанность между собой политического и правового порядков, которые воспринимаются гражданами отдельно, поскольку функционируют в таком же режиме [Панов, 2008].

– Возникновение институциональных ловушек, неэффективных и самоподдерживающихся норм и институтов, когда выход из проблемной ситуации оказывается намного сложнее и затратнее, чем пребывание в ней [см.: Институциональная политология... 2006, с. 42, 55, 85; Полтерович, 2007; Скоробогатский, 2011].

Комплекс этих проблем образует «современную российскую институциональную тропу зависимости»³, воспроизводство практик, ситуаций, процессов, которые препятствуют формированию политического в России.

Понимание политического пространства как институционализированной публичной сферы политических взаимодействий и политической игры социальных акторов, их сотрудничества и борьбы, протеста и поддержки, конфликта и диалога по значимым проблемам в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества, позволяет не сводить политику исключительно к властным отношениям и не отождествлять ее с борьбой за власть – ее захватом, переделом, употреблением и т.п. Ключевым аспектом политики является продвижение сценариев и проектов для общества – поиск определения и путей достижения общественного блага. Наличие российской «тропы зависимости» приводит к выводу о том, что в России институционализированное политическое пространство не сложилось.

Понятие политического поля во многом, но с известными поправками, созвучно термину «арена действия», который, согласно Э. Остром, «относится к социальному пространству, в котором люди взаимодействуют, обмениваются товарами и услугами, решают проблемы, господствуют друг над другом или борются (среди многих вещей, которые люди делают на аренах действий)». Остром отмечает, что «большая часть теоретической работы останавливается на этом уровне и принимает переменные, определяющие ситуацию, а также мотивационную и когнитивную структуру актора как данности. Анализ продолжается в сторону прогнозирования вероятного поведения индивидов в такой структуре» [Ostrom, 2010]. Наше исследование нацелено на понимание того, как возникает эта данность ситуации и акторов.

При анализе институционализации политического поля мы придерживаемся простого и потому красивого определения Э. Остром: институт – это набор действующих (работающих) правил, которые люди используют при принятии решений и на которые участники будут ссылаться, если их попросят объяснить и оправдать свои действия другим участникам; «действующие правила – это такие правила, которые действительно используются, за соблюдением которых осуществляется мониторинг, и они защищены соответствующими механизмами, когда индивиды выбирают те действия, которые они намерены предпринять...» [Ostrom, 2005, p. 19]. При этом важно отметить, что институт призван восстанавливать те или иные культурные образцы, которые не могут постоянно порождаться заново в коммуникации.

Если нормы формально писанные – это еще не институт, если данные нормы действуют – это институт; если нормы неформальные – это неформальный непубличный институт. Другое дело – можно ли институционализировать неформальные «понятия», которыми, по данным нашего пилотного опроса 2017 г., по-прежнему руководствуются в российской политике. В любом формальном институте есть неформальные практики, это «смазка», потому что ригидную букву нормы почти всегда трудно, подчас невозможно выполнять. Как справедливо, на наш взгляд, утверждают исследователи, «формальные институты могут работать исключи-

³ Об обсуждении концепции тропы зависимости в зарубежной и отечественной науке см.: [Евсеева, 2017].

тельно при условии их неформальной коррекции» [Барсукова, 2015, с. 19–20]. Когда неформальные нормы полностью замещают формальные – то, что мы называем деформализацией, институт «исчезает» – из-за несоответствия дизайну, замыслу, ради которого он создавался, закону, конституции, праву. Это не означает, что какие-то организованные практики не сохраняются – имеют место неформально организованные практики, нередко латентные [Соловьев, Миллер, 2017]. Более того, в российском случае (впрочем, не только в российском) такие практики при отсутствии качественных институтов власти, признаются исследователями свойством государственного института, несмотря на то что «при подобной системе слабо агрегированы общественные интересы» [Миллер, 2016].

Зона власти

Как мы отмечали выше, наши эмпирические исследования показали, что россияне воспринимают политику как некое «место», ограниченное и закрытое, как своего рода «зону»⁴, где действуют политики – не ради общего блага, а ради реализации и достижения личных или узкогрупповых, корпоративных целей; при этом россияне не увязывают существующий властный порядок с порядками правовым и моральным (расхожее определение респондентов: «политика – грязное дело», т.е. явление, ничего общего ни с правом, ни с моралью не имеющее)⁵.

По существу, институционализированное политическое пространство в представлениях россиян замещено *зоной власти*. Используя данную терминологию, мы следуем предложенной И. Гофманом традиции зонирования пространства, заложенной американским социологом в главе «Зоны и зональное поведение» его классической работы «Представление себя другим в повседневной жизни» [Гофман, 2000].

За точку отсчета при определении границ зоны Гофман берет индивидуальное исполнение, относительно которого структурируется пространство, распадаясь, в первую очередь, на передний и задний планы: «Исполнение индивида в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие создать впечатление, будто его деятельность в этой зоне воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты» [там же, с. 122]. Исследователи отмечают, что «зоны имеют свои характеристики, которые определяют возможности актора создавать и поддерживать впечатление, – они имеют определенную «обстановку», «декорации», тщательно продуманный внешний вид и внешнее выражение (включая манеры, речь и т.п.) самого действующего лица. В закулисной зоне проявляются скрываемые от публики факты, такие, например, как усилия по подготовке индивидуального или командного представления на авансцене. Предполагается, что «закулисная зона» – та, которая не используется для управляемого создания впечатления перед аудиторией» [Чернявская, 2008, с. 330].

Заметим также, что И. Гофман фокусировался на изучении «малых групп» – замкнутых социальных пространств как совокупности горизонтальных и вертикальных отношений между единицами, организующими деятельность для достижения определенных целей на основе моральных и иных общекультурных ценностей, осуществляющими асимметричный социальный контроль над распределением ресурсов и применением власти, с точки зрения управления создаваемыми там впечатлениями и определения ситуации.

⁴ Зона (от греч. ζώνη «пояс») – область, характеризующаяся какими-нибудь общими свойствами, признаками.

⁵ К сходной картине российской реальности, исходя из иных теоретико-методологических установок, приходят исследователи проблем реформирования системы управления в России. Они констатируют, что, по мнению большинства граждан, «система управления ориентируется не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией, что руководство использует ресурсы организации в личных целях, а руководящий состав превращается в междусобойчик, в клику, что руководство ориентируется не на дело, а на сохранение власти, что при подборе кадров руководствуются не деловыми качествами людей, а личной преданностью» [Россия: Реформирование... 2017, с. 336–337].

По мнению Э. Гидденса, «...деление на передний и задний планы никоим образом не совпадает с границей, существующей между обособлением (сокрытием, утаиванием) личностных аспектов и их разоблачением. Задние планы представляют собой важный ресурс, рефлексивно используемый влиятельными и не очень индивидами для обеспечения и поддержания психологической дистанции между их собственными взглядами на социальные процессы и теми трактовками, которые встречаются в официальных нормах» [Гидденс, 2003, с. 194].

Одним из наиболее существенных препятствий (если не главным) для формирования универсального политического порядка в современной России является дуализм российского политического сознания и политической культуры – противоречие между поверхностной современностью и глубоким архаизмом. Этот дуализм лежит в основе российских социальных практик и влияет на выработку позиций по отношению к власти и актуальной политике. Социальные и политические инновации оцениваются по архаичной системе критериев. Политическая активность как атрибут современной политики относится к «внешнему» слою нормативно-ценностного комплекса, конфликтующему с традиционалистским «ядром» российской культуры [Патрушев, Филиппова, 2017].

В результате в современной России не может сформироваться институционализированное политическое поле, а вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти, т.е. российская политика представляет собой, по сути, квазиполитику. Перечислим основные характеристики зоны власти, полученные на основании теоретического анализа и обобщения некоторых эмпирических данных.

Первое: зона власти формируется *кликами*, которые складываются на социальном (межличностном) уровне и в процессе иерархизации переносят неформальные нормы и практики на социетальный уровень, на уровень потенциального бытования политики.

Второе: зона власти обеспечивает *неполитическое господство* преимущественно *с помощью силы и денег, связей и «понятий»* – так российские люди понимают действия существующей власти. Российская власть ничем не ограничена и не принадлежит гражданам.

Третье: *акторы зоны власти не являются политическими, не обладают* выраженной и четкой *идеологией* и, по существу, *не имеют политической идентичности, замещающей ее лояльностью к принципам кликовой организации*. Лояльность и личные связи определяют доступ в зону власти.

Наконец, зона власти принципиально *ограничена и блокирует массовое вовлечение граждан в политические практики*, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения на основе доминирования указанного принципа лояльности. Универсальные нормы (правопорядок) подменяются ситуативными договоренностями, а принятие политических решений – администрированием.

Важным для понимания сущности сложившейся в России зоны власти является вопрос о соотношении между кликой, сетевой структурой, патрон-клиентскими отношениями, клиентами. Социологически клика означает сообщество «своих», действующих на основе личного доверия и «сговора» в обход закона, формальных правил. Патрон-клиентская клика – одна из разновидностей вертикальной клики, не всегда самая распространенная, есть и другие виды вертикальных и горизонтальных клик [см.: Патрушев, Хлопин, 2007].

Клиентела [см.: Патрон-клиентские отношения... 2016] является своего рода предисторией клики и в этом качестве придает последней квазитрадиционные, если не архаичные, черты. Социальная солидарность и гражданская ответственность россиян подменяются личной преданностью семейного и дружеского типа, что воспроизводит дополитическое и, соответственно, дообщественное (досоциетальное) состояние социума, элементы архаического сознания – как условия устойчивости зоны власти и кликового типа организации [Патрушев, Филиппова, 2017].

Таким образом, зона власти препятствует завершению институционализации и политической интеграции на социетальном уровне.

Можно полагать, что политика (внутренняя и внешняя, экономическая, социальная, культурная, научная, образовательная, технологическая и т.д.), обеспечивающая современный тип развития России, невозможна без конституирования политического пространства и политического порядка, что означает:

- образование (прото)политического сообщества, структурированного нормативно-ценностной и проектной идентификацией индивидуальных и коллективных акторов и их возможностями влиять на ход и результаты политики;
- идеологическое оформление политических идентичностей (расколов);
- формулирование политических программ развития социетальной направленности;
- расширение политического участия;
- правовую универсализацию конвенций и «правил игры» в виде легитимных и действующих законов;
- утверждение политического института государства как властного, политико-культурного, нормативно-процедурного порядка, отражающего относительно стабильное состояние общества.

Насколько российские реалии соответствуют характеристикам идеал-типической модели политического пространства и политического порядка, каков потенциал политической трансформации и институционализации власти? Иными словами, каковы перспективы политики в России?

В поисках стратегии политического развития России

Исследования, проведенные в рамках проектов РГНФ, ИСП РАН и ИС РАН 1996–2015 гг., показали, что последние два десятилетия в России в публичном дискурсе в качестве нормативно-ценностных оснований российского социума преобладают выгода, сила и т.п., оттесняя закон, свободу, традицию и мораль, доверие и равенство.

Выгода сохраняет лидерство в ценностном пространстве России с середины 1990-х годов, она маргинализирует прочие нормативно-ценностные ориентации. В 2000-е годы, с приходом к власти «силовика» В. Путина, слегка снижалось значение силы и несколько повышалось – закона.

Но если задать вопрос не о «сущем», а о «должном» основании социума, обнаруживается кардинальное изменение выбора респондентов из предложенного им нормативно-ценностного набора: декларируя приверженность «популярным» словам и даже ориентируясь на них практически, люди этого не слишком хотят. Ценности переворачиваются радикальным образом, и наименее желаемой оказывается та же выгода, та же сила, даже собственность и личный успех. Можно трактовать это как разрыв легитимности: социальный порядок латентно не легитимизируется людьми. Но можно поставить вопрос по-иному: это свидетельство необходимости выстраивать отношения на основе желаемых предпочтений людей.

Насколько реализуем подход, ориентирующий на устойчивые нормативно-ценностные структуры России?

Осенью 2017 г. председатель Высшего совета партии «Единая Россия» кандидат политических наук Б. Грызлов представил руководству партии доклад под названием «Справедливость. Ответственность. Доверие» [Дорофеев, 2017]. «Мы иногда упрощенно представляем себе ожидания граждан и думаем, что современное общество сконцентрировано только на прагматизме и материальных вещах. Ни в коем случае не отрицая их, хочу сказать, что категории идеальные, категории справедливости и доверия, и осознание ответственности опреде-

ляют многие настроения в обществе», – заявил руководитель группы по государственно-партийному строительству В. Плигин [Плигин... 2017].

Судя по сообщениям прессы [Гурова, Обухова, Скоробогатов, 2017], в неопубликованном докладе под справедливостью понимается «системная реализация возможностей и прав граждан в их саморазвитии и самореализации, прозрачность и удобство правовой системы, адекватный доступ к развитому социальному капиталу и социальным лифтам». Эта ценность отражает противопоставление культуре патернализма и обеспечивает не материальное равенство, а последовательное соблюдение гражданских прав. Ответственность означает «совместную деятельность различных сообществ и культур, организаций и объединений, основанную на идеях партнерства, единства “общего дела”, способность отвечать за судьбу страны и ее развитие». Ее необходимо культивировать внутри как общества в целом, так и каждого из его элементов, в качестве фундамента устойчивой политической системы и эффективных управленческих институтов. Доверие отражает готовность следовать принятым в обществе правилам, которые ассоциируются с единством, порядочностью и последовательностью; без доверия невозможно ни существование социальных институтов, ни эффективное государственно-политическое строительство. Ни справедливость, ни ответственность не могут быть достигнуты без доверия. Современное российское общество по целому ряду критериев расколото на «своих» и «чужих»; наряду с вопросами национальной, религиозной, идеологической принадлежности поводом для розни и разделения оказываются также вопросы истории и культуры, экономики и искусства. Однако именно коллективное доверие и публичная сфера, открытая для дискуссии, свободного обсуждения и даже программной конкуренции, позволит преодолеть эти расколы.

В центр государственно-политического строительства предлагается поставить развитие человека и объединяющие граждан ценности, а не инструменты контроля и логику рыночной эффективности «... Эпоха, когда политика сводилась к действию упорядоченных бюрократических машин, осталась в прошлом. Современное государственно-политическое строительство – эволюционный процесс, требующий постоянной оптимизации собственных инструментов и глубокого понимания проблем и вызовов, возникающих перед обществом и развивающейся социальной средой». Эти вызовы охватывают «четыре проблемных поля, связанных с легитимностью управления, институтами представительства, гражданской активностью и человеческим капиталом» [Плигин... 2017].

«Для эффективного функционирования государственных институтов и их работы в рамках ценностной триады “Справедливость, Ответственность, Доверие” необходимо развитие институтов прямой демократии и политической конкуренции, общественно полезное гражданское участие, например, волонтерство и местное самоуправление», этому «может поспособствовать ряд административных и законодательных решений, связанных с законодательной поддержкой волонтерства, популяризацией местного самоуправления и налаживанием взаимодействия местных органов власти с гражданами», – заключил Плигин [там же].

Слова «справедливость», «доверие», «уважение» активно использовал президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. «...люди рассчитывают... на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду. <...> Принципы справедливости, уважения и доверия универсальны. <...> Любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. <...> Общество... все больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение. <...> Можно ли достойно развиваться на зыбкой почве слабого государства и управляемой извне безвольной власти, потерявшей доверие своих граждан? Ответ очевиден: конечно, нет», – говорил президент [Послание... 2016].

Публичное позиционирование этих позиций показывает, что даже устоявшийся официальный дискурс в принципе может меняться. Если такие идеологические перемены утвердятся,

останется вопрос о результативности реализации «нового курса», который совершенно отличен от существующих практик и тенденций.

Исследования коллег-социологов показывают, что «сложившаяся в стране система управления находится в критическом состоянии», что делает ее «непригодной для достижения каких-либо рациональных инновационных действий» [Россия: Реформирование... 2017, с. 90]. Группы населения с высшим образованием констатируют отчуждение на местах значительного числа руководителей от исполнителей, частую подмену управления командованием или сговором, присутствие в действиях руководителей признаков коррупции и т.п., а также явное превалирование властной составляющей во властно-управленческой вертикали и административно-командный характер российской системы управления [там же, с. 118].

Авторы новейшего исследования российской власти приходят к выводу, что «реальная система управления в стране с ее подсистемами в регионах обладает исключительно низкой чувствительностью к спонтанным процессам социокультурного группообразования (например, этническим, религиозным, миграционным, протестным, волонтерским, политическим, культурно-творческим и т.п.), что является свидетельством ее неадекватности социальным изменениям и чревато непредвиденными последствиями. Застойное состояние пирамид территориального управления (властной, экономической и административной) связано с тем, что они строятся сверху вниз в интересах сохранения своего господствующего положения, неоправданно увеличивают дистанцию власти и становятся неспособными поддерживать самоорганизацию территориальных общностей, принижая фундаментальную роль местного самоуправления» [там же, с. 343].

На исходе 2010-х годов в России отсутствовала политика как отдельная сфера производства альтернатив общественного развития, которые бы формулировались и продвигались политическими акторами в публичном пространстве, формировали полюса, притягивающие сторонников и отталкивающие противников разных точек зрения. Как отмечают исследователи, «страна замерла в ожидании положительных перемен и боится, как бы не вышло хуже» [Россия: Реформирование... 2017, с. 336].

Политико-культурологический и исторический анализ показывает, что российский социокультурный дуализм обуславливает воспроизводство властных отношений и препятствует формированию универсального политического порядка. Его перспективы просматриваются с трудом. В данный момент можно оценивать лишь условия продвижения в направлении создания как гражданского общества на основе солидарности граждан, так и политического института государства. Эти условия, вытекающие из представленного ранее анализа, в чем-то параллельны идеям, сформулированным теоретиками партии власти, в чем-то пересекаются с ними.

Наиболее существенными условиями являются: сдвиг в публичном дискурсе от ценностей выгоды, личного успеха, собственности, силы к ценностям доверия, равенства, справедливости, свободы, солидарности – своего рода «моральная революция»; эмпауэрмент – становление гражданина, обладающего навыками реализации прав и свобод, политических действий, направленных на трансформацию институтов; универсализация действующих норм на основе верховенства права. В совокупности речь идет об обновленной интеграции на социетальном уровне. Оценка перспектив, степени и масштаба реализации этих условий должна быть предметом дальнейших исследований.

Список литературы

Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.

Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 215 с.

Бурдые П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.

Бурдые П. Социальное пространство: Поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 304 с.

Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – 318 с.

Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 524 с.

Гурова Т., Обухова Е., Скоробогатый П. Страна для всех // Эксперт. – М., 2017. – № 43. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/43/strana-dlya-vseh/> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Дорофеев К. Борис Грызлов ищет способы преодоления раскола в обществе. Высший совет «Единой России» хочет предложить свою доктрину государственно-партийного строительства // Известия. – М., 2017. – 18 сентября. – Режим доступа: <https://iz.ru/646910/konstantin-dorofeev/boris-gryzlov-ishchet-sposoby-preodoleniia-raskola-v-obshchestve> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Зиммель Г. Социальная дифференциация // *Зиммель Г.* Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – С. 301–465.

Евсеева Я.В. Концепция зависимости от траектории предшествующего развития: Основные положения и критика: Аналитический обзор // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 3. – С. 41–57.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.

Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2006. – 239 с.

Лысенко О.В. Игрок в политическом поле // Материалы конференции «Пермская элита: История, развитие, современное состояние» (Январь–февраль 2003 г.) – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=241 (Дата посещения: 01.02.2018.)

Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 287 с.

Миллер Т.В. Институты и сетевые практики в принятии государственных решений в России // Власть. – М., 2016. – № 12. – С. 93–98.

Модернизация и политика в XXI веке / Ред. колл.: В.К. Коломиец, Ю.С. Оганисян, С.В. Патрушев; отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: РОССПЭН, 2011. – 335 с.

Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.В. Патрушев. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2007. – 341 с.

Панов П.В. Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.

Панов П.В. Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России. – Пермь: ЗУИЭП, 2008. – 243 с.

Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 415 с.

Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 1. – С. 13–37.

Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С. 301–318.

Плигин: Общественная активность определяет государственно-политический ландшафт страны // Единая Россия: Официальный сайт партии. – 2017. – 22 декабря. – Режим доступа: <http://er.ru/news/162899/> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. – 447 с.

Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [Официальный сайт]. – 2016. – 1 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Пространство в России: Круглый стол // Отечественные записки. – М., 2002. – № 6 (7). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/prostranstvo-v-rossii> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Пушкарева В.Г. Политическое пространство: Проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 166–177.

Россия: Реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 432 с.

Россия в процессе реформ: Социально-политические аспекты / Российская академия наук. Институт социологии; отв. ред. Ю.С. Оганисян. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 368 с.

Скоробагацкий В.В. Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. – М., 2011. – № 1 (1). – С. 29–40.

Соловьев А.И., Миллер Т.В. Латентная сфера политики: Версия теоретической идентификации // Государственное управление: Электронный вестник. – М., 2017. – Вып. 63, август. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/latentnaya-sfera-politiki-versiya-teoreticheskoy-identifikatsii> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Солодкая М.С. Типология концептов политического пространства // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – Оренбург, 2016. – Вып. 28. – С. 10–17.

Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: Опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Научный доклад (I) / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, Г.Л. Кертман, К.М. Клеман, Л.Я. Машезерская, О.А. Мирясова, Т.В. Павлова, А.Д. Хлопин, Г.А. Цысина, Н.Д. Фатеева. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – 104 с. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19462494> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: Опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Научный доклад (II) / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, Г.Л. Кертман, К.М. Клеман, Л.Я. Машезерская, О.А. Мирясова, Т.В. Павлова, А.Д. Хлопин, Г.А. Цысина, Н.Д. Фатеева. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 185 с. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20147625> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: Традиция, рецепция и новация / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 477 с.

Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис. Политические исследования. – М., 2005. – № 2. – С. 6–25.

Филиппов А.Ф. Где живет политика // Полит. ру. – 2012. – 20 сентября. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filippov/> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Цветкова О.В. Концепции политического пространства: Центр и периферия // Вектор науки ТГУ. – Тольятти, 2014. – № 1. – С. 171–173.

Чернявская О.С. Социальное пространство: Обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2008. – № 5. – С. 329–335.

Hendriks E.C. Regime theory: A preliminary sketch // Regime: Uncovering the fundamental order of radically different societies. – Mode of access: <http://regimetheory.eu/#linkTheTheory> (Accessed: 01.02.2018.)

Martin J.L. What is field theory? // American journal of sociology. – Chicago, 2003. – Vol. 109, N 1. – P. 1–49.

Ostrom E. Institutional analysis and development: Elements of the framework in historical perspective // Historical developments and theoretical approaches in sociology: Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS). – 2010. – Vol. 2. – Mode of access: <http://www.eolss.net/sample-chapters/c04/e6-99a-34.pdf> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Ostrom E. Understanding institutional diversity. – Princeton: Princeton univ. press, 2005. – 355 p.

Political field theory // Complexity labs. – Mode of access: <http://complexitylabs.io/political-field-theory/> (Дата посещения: 01.02.2018.)

Regime: Uncovering the fundamental order of radically different societies. – Mode of access: <http://regimetheory.eu/#linkTheTheory> (Accessed: 01.02.2018.)

Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Mit einer Rede über das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitischen. – München; Leipzig: Verlag Von Duncker & Humblot, 1932. – 84 S.

Torre Ch. G. Introduction to classical field theory // All complete monographs. 3. – Logan: Utah state univ., 2016. – Mode of access: https://digitalcommons.usu.edu/lib_mono/3 (Дата посещения: 01.02.2018.)

Гендер: Граница и / или измерение политического поля. Перечитывая классиков⁶

С.Г. Айвазова⁷

Аннотация. В статье анализируются вопросы взаимосвязи / взаимозависимости сфер политического и гендерного. По рецепции мыслительных разработок классиков политической социологии Х. Арендт, П. Бурдьё и др. описываются механизмы разведения структур «политического поля» и «зоны власти» как публичного – маскулинного, где бытуют свобода, равенство, право голоса, и приватного – феминного, где господствуют необходимость, неравенство и насилие. На этой основе автор показывает, каким образом гендерная поляризация и субординация превращаются в акты символического насилия, обеспечивающего стабильность социальных иерархий даже тогда, когда социальные и политические изменения ставят под вопрос само их существование. В качестве примера используется тема гендерного передела политического поля, ставшая в повестку дня в Новое время и получившая в наши дни особую актуальность и значимость для развития социальных практик всех тех, кто стремится к обретению политической субъектности.

Ключевые слова: политическое поле; власть; гендер; гендерное равноправие; габитус; символическое насилие.

S.G. Ayvazova

Gender: the border and / or dimension of the political field. Rereading the classics

Abstract. The article analyzes the relationship / interdependence of politics and gender. According to the reception of reflections of classics of political sociology, such as H. Arendt, P. Bourdieu and others, the mechanisms of differentiation between structures of «political field» and «zone of power» are described in terms of public – masculine, where freedom, equality, voting rights exist, and private – feminine, dominated by need, inequality and violence. On this basis the author shows how gender polarisation and subordination become acts of symbolic violence that ensures the stability of social hierarchies even when social and political changes call into question their very existence. As an example, gender redistribution of political field is considered, which became relevant in the modern era and has recently acquired a special relevance and significance for the development of social practices of those who seek political subjectness.

Keywords: political field; power; gender; gender equality; habitus; symbolic violence.

Вопрос о взаимосвязи / взаимозависимости «гендерного» и «политического» трактуется и описывается исследователями по-разному: одни считают гендер границей политического поля; другие видят в нем одно из его измерений; третьи включают в анализ «политического» обе эти характеристики. В этой работе мне хотелось бы уточнить, как рассматривали разные грани этого вопроса классики гендерной и политической социологии с тем, чтобы найти в их

⁶ Работа подготовлена в рамках исследовательского проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РГНФ/РФФИ № 17-03-00446).

⁷ Айвазова Светлана Григорьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru. Aivazova Svetlana, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru

подходах некий общий знаменатель, позволяющий полнее раскрыть особенности и способы бытования и гендера как института, и феномена политического поля как сложного, дифференцированного, многомерного пространства.

Начну с самых общих определений того, что такое: а) «граница», б) «измерение». Толковый словарь русского языка Ушакова называет «границей» «линию водораздела между двумя владениями, областями». Кроме того, поясняется, что «граница – это предел, допустимая норма» [Граница]. Понятие «измерение», в свою очередь, определяется через глаголы: «измерить – измерять». 1. Измерение роста. 2. Измеряемая величина, протяжение (мат.). Куб имеет три измерения: длину, высоту и ширину» [Измерение], т.е. измерение позволяет делать заключения о величине, размерах чего-либо. Судя по определениям, явление физическое не может быть одновременно и границей, и измерением. Однако с социальными явлениями все выглядит не так однозначно – они способны парадоксальным образом сочетать в себе обе эти характеристики. Но прежде чем это показать, для ясности анализа имеет смысл остановиться еще и на том, как трактуются в классической литературе понятия «политического» и «гендерного».

Пьер Бурдьё, автор концепта «политического поля», видел в нем и «поле символической борьбы, где профессионалы представления (во всех смыслах этого слова) противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы». И место, где «в конкурентной борьбе между втянутыми в нее игроками рождается политическая продукция: программы, анализы, комментарии, концепции, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей», и «тем скорее рискующие попасть впросак, чем более удалены они от самого места подобного производства» [Бурдьё, 1993, с. 182]. В этом поле и вокруг него специфическим образом выстроены позиции (у Бурдьё – «диспозиции», «dispositions») тех, кто властью обладает (доминирующий), и тех, кто лишен власти (доминируемый). Первые (игроки в политическом поле) навязывают вторым (потребителям, очевидно, находящимся за его границами) свое видение картины мира, распределения политических сил, признания или непризнания механизмов легитимного и символического насилия. Российский социолог А. Филиппов уточняет, что в политическом поле «люди противостоят друг другу как группы», которые вступают в жесткую политическую борьбу, и в случае победы переопределяют, или «переучреждают», сложившийся политический порядок [Филиппов, 2013]. То есть в этом поле действуют только те, кто способен существовать и бороться в нем «как группа». А как воздействуют, и воздействуют ли, на политическое поле те, кто не могут сложиться в «группу», а потому находятся вне него?

Возникающие недоумения имеют непосредственное отношение, в числе прочего, к проблеме гендерных характеристик политического поля – как его границы и (или) его измерения. Сама эта проблема предопределена тем, что гендер, в первую очередь, является институтом, который предназначен для воспроизводства властных отношений социального неравенства, обусловленного разными статусами (диспозициями) мужчин и женщин. На этом основании политический историк Дж. Скотт делает заключение, что «политика конструирует гендер, а гендер конструирует политику» [Скотт, 2001 а, с. 426]. Политические подходы и решения определяют характер нормативных предписаний для тех или иных иерархически выстроенных социальных ролей, назначаемых мужчинам и женщинам. Эти роли, в свою очередь, становятся основой для социального конструирования биологической реальности. Иными словами, «политическая история... разыгрывается на поле гендера» [там же, с. 430]. Везде и всегда, пока сохраняются гендерные иерархии. И с этой точки зрения гендер не может не быть измерением политического поля.

Но наряду с этим Дж. Батлер, одна из основательниц гендерной политологии, рассматривает гендер, прежде всего, как институт, четко разводящий мужское, «маскулинное», которое кодируется как собственно «политическое», публичное, и женское, «феминное» – как приватное, «до-» или «вне-» политическое. То есть «конститутивное внешнее» по отношению к

основному, фиксирующее границы политического поля [Дж. Батлер, 2001, с. 256]. Дж. Батлер подчеркивает: «Основания политики (универсальность, равенство, правовой субъект) выстроены через акты немаркированных расовых и гендерных исключений и путем слияния политики с публичной жизнью, где приватное (репродукция, сфера феминного) раскрывается как до-политическое» [там же]. Значит, гендер – это граница политического, символически разделяющая мир на «игроков» в политическом поле и «потребителей», которым приходится вольно или невольно подчиняться их решениям.

Почему это так? Наиболее убедительный ответ на этот вопрос, на мой взгляд, можно найти в известной работе Ханны Арендт «*Vita activa, или О деятельной жизни*». С присущей ей способностью восходить к истокам изучаемого феномена, проясняя его порой ускользающую суть, Арендт связывает возникновение публичного политического пространства с **его отделением** от пространства родового, семейного, складывающегося со временем в сферу частного. Ссылаясь на Аристотеля, она утверждает, что «основанию полиса предшествовало уничтожение всех союзов, опиравшихся, подобно *фратрии* или *филе*, на природно-естественное начало, т.е. на семью и кровное родство» [Арендт, 2000, с. 34]. А потому, в согласии с греческой философской мыслью, человеческую способность к политической организации надлежит не только отделять от природного общежития, в средоточии которого стоят домохозяйство и семья, но даже подчеркнуто противопоставлять ему.

По мнению Х. Арендт, становление полиса, предопределившего смыслы современного понимания политического, имело следствием рождение гражданина, который помимо своей частной жизни получил своего рода вторую жизнь. Арендт разъясняла: каждый гражданин отныне принадлежал двум порядкам существования, и его жизнь характерным образом строго делилась на то, что он называл своим собственным, и то, что оставалось общим. Гражданин как таковой обретал особые, именно политические, качества: он становился способным на действие и речь. Причем первое и второе качества рассматривались как равноценные. Арендт уточняла свою мысль: «...говорение и действие считались одинаково изначальными и равновесными, они были равного рода и равного ранга. И это не потому лишь, что всякое политическое действие, когда оно не пользуется средствами насилия, осуществляется, очевидно, через речь, но также и в том, еще более элементарном смысле, что именно отыскание нужного слова в нужный момент, совершенно независимо от его информирующего и коммуникативного содержания для других людей, есть уже действие. Глухо только насилие, и по этой причине голое насилие никогда не может претендовать на величие» [Арендт, 2000, с. 36]. Отсюда – сама формула «право голоса» и ее значимость для становления и концепта, и феномена «политического».

Жизнь вне полиса, вне логоса, т.е. без права «на голос», оставалась в таком случае уделом женщин, детей и рабов. Особенностью этого удела являлся, по словам Арендт, «до-политический способ обхождения» – принуждение силой, приказы, а не убеждения, любые формы насилия. Они применялись главами семейств, можно сказать, в их «зоне власти» – в обращении с домочадцами, а также, по важнейшему замечанию Арендт, «в варварских государствах Азии, чью деспотическую форму правления часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи» [там же, с. 37]. Этим объясняется отличительная форма такого правления – абсолютное, непререкаемое господство отца семейства, которое было недопустимым внутри политического поля, где оно расценивалось как *contradictio in adiecto* («противоречие в определении»).

Арендт подчеркнуто заостряет тот факт, что обретение мужчинами качеств политического субъекта сопровождалось объективацией женщин и являлось неизбежным условием возникновения полиса – прообразом того, что принято считать политическим. Этого явления субъективации одних за счет объективации других не знали в восточных деспотиях, где подданными (а значит – объективированными) в равной мере были и мужчины, и женщины. И где все было сплошной «зоной власти».

Разъясняя свою позицию, Арендт утверждает, что у греческих философов разведение политического пространства и пространства домохозяйства, частной жизни, мыслилось как разведение сфер свободы и необходимости. По ее словам, местопребывание свободы, **как основания «действия в смысле свободного поступка»** [Арендт, 2000, с. 54], располагается исключительно в сфере политической, а необходимость – это *до*-политический феномен, характеризующий сферу домашнего хозяйства, бывшего поначалу основным средоточием экономики, или собственно экономического. В этом хозяйстве «по предписанию природы» (или в соответствии с «естественным назначением») забота о пропитании и поддержании жизни лежит на мужчинах, а о воспроизводстве рода – на женщинах. Именно поэтому совместная жизнь в домохозяйстве продиктована необходимостью, которая пронизывает собой все виды деятельности в этой сфере. Чтобы преодолеть давление необходимости, греки прибегали к принуждению и насилию в отношении домочадцев – женщин, детей, рабов. Они видели в домашнем насилии своего рода ресурс для достижения свободы в полисе. И как следствие, подчеркивает Арендт, полис отличался от сферы домашнего хозяйства еще и тем, что в нем жили равные, тогда как порядок домохозяйства опирался исключительно на неравенство. Бытие свободным исключало как господство, так и подневольность. В то же время внутри сферы домохозяйства вообще не могло быть свободы, даже для главы семьи, который считался свободным лишь потому, что мог оставить хозяйство и подняться на агору – в политическое пространство, где оказывался в среде себе равных.

Это равенство внутри полиса, подчеркивает Арендт, имеет мало общего с современной идеей эгалитарности. Хотя античное равенство предполагало, что гражданин имеет дело только с равными себе, считалось само собой разумеющимся наличие «неравных», которые составляли большинство населения в городах-государствах. «Неравные» – женщины и рабы – шли по одной статье, вместе они образовывали семейство, вместе держались в тени или даже потаенности, но не просто потому, что были собственностью, а потому, что их жизнь была «трудовой», определяющейся и вынуждаемой «низкими» функциями тела [Арендт, 2000, с. 41–42].

Арендт заключает, что для Античности решающим было то, что все приватное есть лишь «приватное» (т.е. то, чего человек лишен), что человек в нем, как показывает само это понятие, живет в состоянии экономического принуждения, обыденности, т.е. отсутствия высших возможностей и способностей. У греков тот, кто не знал ничего кроме приватной стороны жизни, кто подобно рабам не имел доступа к общественному, или, подобно варварам, даже не учреждал публичную сферу, собственно человеком и не был [там же, с. 51]. Таким образом, Арендт, которую трудно заподозрить в склонности к гендерному анализу (а в этом ее неоднократно упрекали поборники феминизма [Диц, 2005, с. 323]), очень четко обозначает границу того феномена политического, которое возникало в древнегреческих полисах, осмыслялось античными философами и в чем-то стало матрицей для современных представлений о политическом как таковом. Эта граница у Арендт пролегает между сферами публичного – маскулинного, где бытуют свобода, равенство, право голоса, и приватного – феминного, где господствуют необходимость, неравенство и насилие.

Но в такой конструкции гендер служит не просто границей сфер публичного, политического и приватного, он еще и показатель, или измеритель, их **качественного** состояния. В одном случае, зоны соперничества, конкуренции голосов равных и свободных граждан; в другом – зоны господства главы семейства и «до-политического принуждения», в котором он держал своих домочадцев.

Арендт отмечает, что после распада Римской империи, в эпоху Средневековья, политическое, как публичное, по сути вытесняется полем религиозного, взявшего на себя функцию определения общих целей. Возвращение политического на круги своя начинается в Новое время. При этом происходит его серьезная коррекция. Арендт уточняет, что эта коррекция

была результатом возникновения в этот момент общества как такового. Почему? С выходом «домохозяйства» и «экономических» (*οικία*) видов деятельности в пространство публичного само ведение хозяйства и все занятия, прежде принадлежавшие к частной сфере семьи, теперь стали касаться всех, т.е. стали «коллективными», общественными заботами. По ее словам, в современном мире эти две области постоянно переходят одна в другую, как волны в вечно текущем потоке жизненного процесса. Вследствие этого началось «исчезновение пропасти, через которую люди классической древности должны были ежедневно как бы перепрыгивать, чтобы выходить из тесной области домохозяйства и подниматься в круг политического» [Арендт, 2000, с. 45]. Такая открытость политического есть по существу новоевропейский феномен.

И здесь уже можно оставить в стороне размышления Арендт, подчеркнув (вслед за ней), что для нашего анализа главное заключается в следующем: Новое время, восстанавливая поле политического, но одновременно и размывая его границы по линии противостояния политического, публичного и приватного, домашнего, бывшего в прошлом средоточием экономического, ставит в повестку дня вопрос о равенстве для всех, в том числе и в политическом поле, связывая его с новой темой о правах человека. То есть меняет парадигму измерения политического, переводя его из режима равенства одних за счет неравенства других в режим принципиального признания равенства для всех в обладании правом голоса. В интенции такое признание обещало обогащение, дифференциацию смыслов и усложнение структур политического. Однако не сразу и не вдруг. В частности, между принципиальным признанием гендерного равенства и его реальной реализацией возник достаточно глубокий разрыв. Гендер оказался поразительно устойчивым институтом. Процесс выравнивания диспозиций женщин и мужчин в политическом поле затянулся на несколько столетий и все еще далек от завершения. Проиллюстрирую этот тезис конкретными историческими примерами.

В 1791 г. на волне Великой французской революции под символическим заголовком «Декларация прав женщины и гражданки» появился первый в истории документ, в котором фактически было сформулировано требование гендерной реконструкции самого представления о границах политического поля. Автор «Декларации», мало кому известная в ту пору писательница Олимпия Де Гуж, выразила это требование в соответствовавшей революционному моменту метафорической форме. Она заявила: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну» [Duhet, 1971, р. 13]. Революционные власти приняли всерьез только первую половину этого заявления: два года спустя Олимпию де Гуж по ложному доносу отправили на гильотину. Француженки же получили право «взойти на трибуну», т.е. право голоса, только 150 лет спустя, в июле 1944 г. А еще через 73 года, на парламентских выборах 2017 г., они добились реального гендерного паритета в политике, получив около 40% мест (223 из 557) в Национальной Ассамблее страны [В парламент Франции...]. Чуть ранее президент Франции Э. Макрон доверил женщинам половину министерских постов в сформированном после его избрания правительстве [Среди глав государств...].

По-своему выразителен российский случай борьбы за право женщин быть «гласными». Традиция борьбы за это право восходит к революционным дням 1905 г., когда под нажимом общества на свет появился Высочайший манифест Николая II, провозгласивший, что в стране вводится новый конституционный порядок и, как орган народного представительства, создается Государственная дума. Опубликованный 11 декабря 1905 г. закон о порядке выборов в Думу предоставил избирательные права только мужчинам. Женщины оказались исключенными из категории граждан, обладающих политическими полномочиями. С этого момента в России в политическую повестку дня встает вопрос о равноправии женщин, о предоставлении им права избирать и быть избранными в органы власти. Бенефициариями борьбы в тот момент стали женщины Великого княжества Финляндского, находившегося под протекторатом Российской империи. Женское избирательное право было признано там уже в 1906 г., а в 1907 г. на

выборах в сейм женщины получили 19 депутатских мандатов [Женское избирательное право]. Это был первый случай институционализации гендерного равноправия в Европе.

В самой России в ходе этой революции женский политический вопрос оказался как бы «подвешенным». Его решением занимались в первую очередь женские организации. Они использовали разнообразные формы коллективного действия – собрания, митинги, демонстрации, петиции в органы государственной власти, по-своему готовившие Февральскую революцию. Не случайно эта революция началась с многотысячных женских манифестаций, заставивших Временное правительство обратить уже самое серьезное внимание на политические требования женщин. Вот почему в «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание», утвержденное Временным правительством 20 июля и вступившее в силу 11 сентября 1917 г., вошла норма, устанавливавшая, что Учредительное собрание будет избрано на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права. Больше того, в состав Временного правительства включили известную благотворительницу графиню Софью Панину, которая возглавила Министерство социального призрения. Представительница партии социал-демократов (меньшевиков) Екатерина Кускова первой из русских женщин получила статус депутата законодательного органа власти. Так столетие назад Февральская революция формально признала равноправие женщин одним из принципов функционирования российской политики. Установившаяся после октябрьских событий советская власть подтвердила верность этому принципу.

Начиная с эпохи великих буржуазных революций и вплоть до наших дней процесс слома традиционных гендерных логик в политике, как правило, приходится на периоды подъемов социальных движений или даже революционных потрясений. Его алгоритм примерно одинаков для разных стран и разных культур: на волне массовых выступлений женщины заявляют о своих социальных интересах, о претензиях на участие в политическом процессе. Реакция власть имущих на эти заявления практически всегда отрицательная. Но если давление женских масс оказывается достаточно мощным, в поле политики исподволь происходит некая гендерная реконструкция, или передел, – в это поле, нарушая традиционную мужскую монополию на власть, постепенно допускаются женщины. На рубеже XIX–XX вв. этот передел охватил многие страны мира. Россия вступила на этот путь одной из первых. Впереди нее оказались Новая Зеландия, которая предоставила своим гражданкам право голоса в 1893 г., Австралия – в 1896 г., Дания и Норвегия – в 1913 г. Вслед за Россией эстафету подхватили: Австрия – 1918 г.; Германия и Нидерланды – 1919 г.; США и Исландия – 1920 г., Великобритания – 1928 г., Франция – 1944 г., Италия – 1945 г., Бельгия – 1948 г. и т.д.

Дополнительное ускорение этот гендерный передел приобрел по окончании Второй мировой войны. Созданная в ту пору Организация Объединенных Наций искала пути для обеспечения мирного и устойчивого развития человечества. Одним из эффективных механизмов такого обеспечения было признано достижение гендерного равноправия, в том числе в сфере политики. О приверженности равноправию мужчин и женщин ООН заявила в своем важнейшем правовом документе – «Всеобщей декларации прав человека» (1948). После этого ООН принимает более сотни правовых документов, направленных на слом традиционных гендерных логик в поле политики, на институционализацию, нормативное оформление гендерного равноправия, т.е. стирание границы между «политическим – мужским» и «дополитическим – женским». Этой проблеме посвящены, в частности, такие правовые документы как Конвенция о политических правах женщин (1952); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Цели развития на пороге тысячелетия (2000).

В марте 2017 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке состоялась 61-я сессия Комиссии по положению женщин. На ней отмечалось, что доля женщин-парламентариев в среднем в мире сейчас равняется 23%; доля женщин-министров – 18%. Однако среди глав государств или правительств насчитывается всего 17 женщин [Среди глав государств...]. В наши дни «гендерные

разрывы» (gender gap), с помощью которых измеряются показатели представительства лиц того или иного пола в органах власти, всерьез различаются от страны к стране, от региона к региону. На этой же сессии ООН была представлена так называемая интерактивная карта «Женщины в политике – 2017», подготовленная Межпарламентским союзом и структурой «ООН – женщины». Вот как она выглядит:

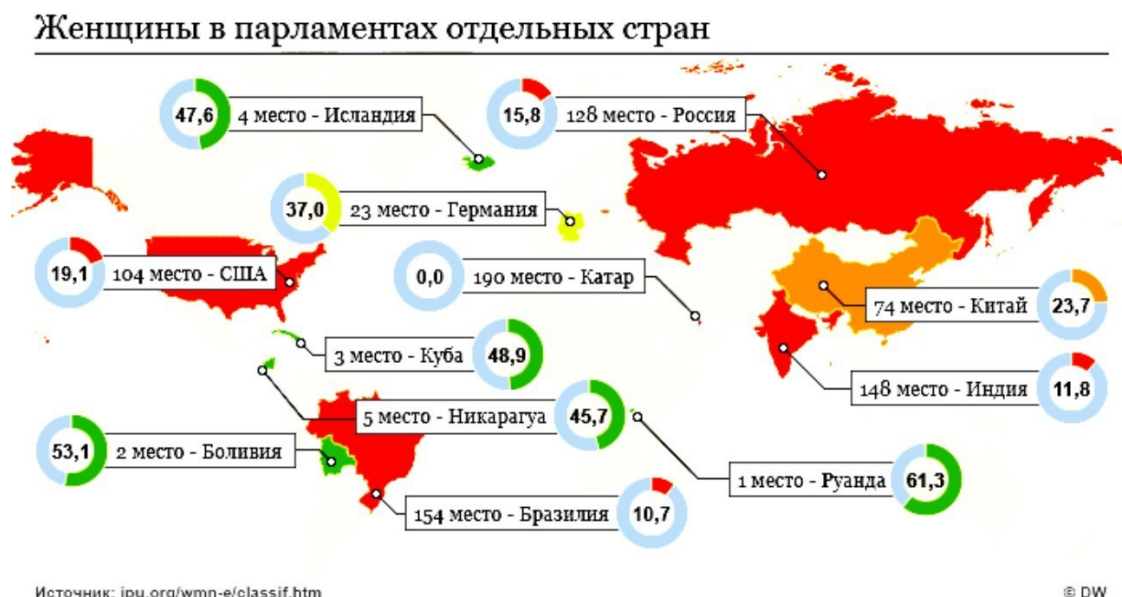

Рис.

Интерактивная карта «Женщины в политике – 2017»

Судя по этим показателям, немногим странам удалось довести долю женщин-законодателей до некоего гендерного баланса. В числе «передовиков» в силу разных обстоятельств и с разными последствиями для реального гендерного паритета в политике выделяются: Руанда – 61% женщин в парламенте, Боливия – 53, Куба – 48,9, Исландия – 47,6, Никарагуа – 45,7, Германия – 37, Беларусь – 34,5%. В числе явно отстающих, опять же по разным причинам, значатся: на 74-м месте Китай – 23,7% женщин-парламентариев, на 104-м месте США – 19,1, на 128-м – Россия – 15,8, на 148-м – Индия – 11,8, на 154-м – Бразилия – 10,7, на 190-м – Катар – 0% [Крыжановская, 2017]. Эксперты считают, что паритет в политическом представительстве во всех странах мира женщины при самых благоприятных обстоятельствах обретут только к концу XXI в. [The global gender gap report, 2016].

Поясню значение этих показателей для нашей темы. Очевидно, что для «отстающих» по части обеспечения политического паритета гендер в политическом поле означает его границу. Для остальных он постепенно превращается в способ измерения умножающегося числа игроков на политическом поле.

Показательна ситуация с политическим представительством женщин в РФ. Приведу данные на 2017 г. В Государственной думе заседает 16% женщин. В составе Совета Федерации, возглавляемого Валентиной Матвиенко, 17% женщин [Среди глав государств...]. В правительстве работают три женщины: заместитель председателя Ольга Голодец, министр здравоохранения Вероника Скворцова, министр образования Ольга Васильева. Во главе РФ женщин не было никогда. Претендовали на пост президента страны четыре политика: Галина Старовойтова на выборах 1996 г., Элла Памфилова – в 2000 г., Ирина Хакамада – в 2004 г. и Ксения Собчак – в 2018 г. Согласно докладу ВЭФ в Давосе «Глобальный гендерный Разрыв – 2017», по трем из четырех основных показателей, выводимых экспертами ВЭФ, Россия находится в

первой трети списка из 144 стран, участвовавших в этом исследовании. Страна занимает 40-е место в обеспечении равенства возможностей женщин и мужчин в экономической жизни, 50-е – по доступу к образованию, 1-е – по возможностям в сфере здравоохранения. Однако в графе «обладание политической властью» эксперты ВЭФ поставили РФ только на 121-е место, что в целом сдвинуло Россию на 71-е место в общем рейтинге гендерных разрывов [The global gender gap report, 2017].

Почему в стране, которая столетие назад в числе первых в мире законодательно обеспечила своим гражданкам право избирать и быть избранными во все органы власти, женщины все еще остаются «чужими» в поле политики? Однозначного ответа на этот вопрос нет, да, видимо, и быть не может. Российский случай в этом плане скорее типичное явление. Эксперты практически единодушны в том, что обретение женщинами политических прав, их включение в институт гражданства, не могут сами по себе, сразу же повлиять ни на статусные диспозиции женщин и мужчин, ни на направленность политических режимов и решений. Хотя логично было бы предположить, что появление женщин в политическом поле должно сопровождаться изменениями и в правилах игры на нем. И в ряде стран выход значительного числа женщин в поле политики действительно сопровождается серьезными реформами, направленными, прежде всего, на ликвидацию дискриминации по признаку пола. Но они происходят далеко не везде и не всегда – наличие женщин с мандатами на принятие политических решений в ряде случаев может даже усилить режим дискриминации⁸. И с инициативой такого усиления выступают зачастую женщины-политики. Вот почему даже поборники гендерного равноправия вынуждены были обратить внимание на тот факт, что «физическое присутствие особ женского пола в поле политики не всегда точный знак того, что «женщины... мобилизованы как женщины» [Скотт, 2001 б, с. 957]. То есть как специфическая категория дискриминируемых, осознающих свою дискриминацию. Некоторые теоретики склонны определять такой тип недружественного поведения женщин-политиков в отношении других женщин как мобилизацию их традиционных «предрасположенностей». По мнению одного из них, поведение женщин в таком случае скорее является убедительным примером «добровольного согласия с господством» [Льюкс, 2010, с. 199] и социальным неравенством, что и обеспечивает устойчивость традиционной пограничности гендера в поле политики.

Над этой проблемой всерьез размышлял Пьер Бурдьё. Из-под его пера вышла, в частности, книга-эссе «Мужское господство» [Bourdieu, 1998], которая была специально посвящена проблемам угнетения женщин, т.е. гендерного неравенства как политического феномена. Бурдьё, уже сформулировавший ко времени выхода этой книги основные постулаты теории диспозиционных практик, доказывал в ней, что гендерное неравенство является едва ли не самым надежным основанием для поддержания социальных иерархий. Предложенные им объяснительные схемы отличаются убедительностью и острой актуальностью. Поэтому остановлюсь на них подробнее.

Теоретик исходил из того, что сохранение гендерного неравенства во многом обеспечивается за счет символического насилия, т.е. формирования и поддержания гендерных стереотипов, определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят, паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами. В процессе взаимодействия индивиды создают разделяемые культурные схемы (фреймы), которые влияют на его характер. Разного рода коммуникации – ритуалы, церемонии, вообще закреплённые формы эмоционально мотивированного поведения, которые превращаются в некие модели уместного в конкретной ситуации поведения, Бурдьё включил в

⁸ Весьма убедительны с этой точки зрения доклады Всемирного экономического Форума в Давосе, которые выходят с 2005 г. под заголовком «Global Gender Gap Report» и знакомят мировую общественность с гендерными разрывами в обеспечении равных возможностей женщин и мужчин в сферах экономики, образования, здравоохранения и политики.

объемное понятие «габитус» (от франц. «habitat» – место жительства, некая социальная локация) [Бурдье, 1993].

«Габитус» у Бурдье – это система приобретенных в процессе социализации предрасположенностей, которые порождают и организуют представления и практики индивида. Такие предрасположенности, объективно предназначенные для достижения определенных результатов, не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Габитус предопределен средой, условиями существования путем внутреннего усвоения (интериоризации) их правил индивидом. Это – результат его личной истории и социального опыта. Вместе с тем габитус структурирует и новый опыт, который, в свою очередь, может трансформировать исходные ментальные структуры. Иными словами, габитус зависит от социальной «траектории» индивида. В этом плане габитус есть «инкорпорированный класс» (включая не только социальные, но и биологические свойства индивида, например, пол и возраст). По мнению Бурдье, факторы, оказывающие на индивидов свое действие на протяжении всего их существования, образуют систему, внутри которой главный вес приходится на имеющийся у них социальный капитал, а также на соответствующую диспозицию в отношениях производства и воспроизводства.

Особенность габитуса еще и в том, что он является бессознательной структурой: это – глубоко укорененные и даже «забытые» навыки, привычки и т.д. Бессознательность габитуса связана с его телесным усвоением; поведенческие установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле речи и поведения – согласно с давно усвоенными предписаниями. Сходные условия существования генерируют сходные габитусы членов группы, класса. Бурдье подчеркивает, что социальный класс – это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом, – практики членов группы изначально скоординированы габитусом, как бы выступающим основой их спонтанной солидарности.

Бурдье убежден в том, что именно габитус придает власти символическое измерение – он позволяет получать от доминируемых согласие на господство, основанное не на продуманном решении просвещенного сознания, а на непосредственном и дорефлексивном подчинении определенным образом социализированного тела. Бурдье так объясняет этот свой тезис: «Доминируемые применяют ко всем вещам мира, в особенности к отношениям господства, в которые они интегрированы, к индивидам, посредством которых эти отношения реализуются, и, как следствие, к самим себе, неотрефлексированные схемы мышления. Данные схемы, будучи продуктом инкорпорирования предписаний... закрепляют властные отношения с точки зрения именно тех, кто утверждает в них свое господство, и тем самым представляют эти отношения как естественные» [Бурдье, 2009].

Механизм мужского господства обеспечен, в первую очередь, «дифференцированной социализацией» мужчин и женщин. Эта социализация конструирует мужской габитус через отношения с закрепленными общественными пространствами – экономическим, политическим, религиозным, научным. В этих пространствах между мужчинами как бы разыгрываются серьезные игры соответствующих компетенций – мужчины обречены обладать ими. В то же время женщин приучают к тому, что они обречены на полюсе частного, т.е. юридически и фактически исключены из тех игр, где утверждается и осуществляется мужественность. Им отводится роль зрительниц. Вне игры они оказываются на том основании, что природа якобы обделила их необходимыми качествами: женский пол в отличие от мужского конструируется как пол, наделенный по преимуществу негативными, уничижительными характеристиками. Эти характеристики не позволяют их носительницам участвовать в публичной деятельности от первого лица, т.е. на правах субъекта. А потому, как иронически замечает Бурдье, дифференцированная социализация обучает «мужчин любить игры власти, а женщин – любить мужчин, которые в них играют» [Бурдье, 2009].

Этот анализ диспозиций мужчин и женщин побуждает Бурдье весьма критически оценивать последствия формальной институционализации женского участия в политике. Он убежден в том, что освобождение жертв от символического насилия не может осуществляться только на основе указа. Более того, по его мнению, ограничения, налагаемые на поведение женщин их габитусом, сильнее всего начинают проявляться именно тогда, когда исчезает внешнее принуждение и достигается формальное равенство их прав (право голоса, право на образование, доступ к любым профессиям, в том числе политическим). Почему это так? По мнению Бурдье, «самоисключение» и «призвание» (как негативное, так и позитивное) занимают место открытого исключения» [там же]. Ссылаясь на опыт буржуазных революций, так или иначе решавших «женский вопрос», Бурдье отмечает, что в момент формального провозглашения права голоса для женщин практическое знание / признание границ, исключающее саму возможность их нарушения, спонтанно переводится в зону недопустимого. Сильно цензурированное поведение, навязанное женщинам, особенно в присутствии мужчин и в публичных местах, – это не просто позы или манеры, выученные и исполняемые по случаю, но постоянный способ существования женщин в условиях хорошо согласованных инкорпорированных и объективированных структур.

Возможен ли своего рода разлад этих структур, который все же позволит женщинам освободиться от тяготеющих над ними правил подчинения мужскому господству? Бурдье связывает такую возможность лишь с возникновением таких форм коллективного действия, которые будут направлены на разрушение ментальных конструкций символического превосходства мужчин, а также на создание различных форм коллективного контроля за социальными механизмами господства [Бурдье, 2009].

Теория диспозиционных практик Бурдье, одним из ключевых концептов которой является «габитус», глубоко вскрывает механизмы, обеспечивающие устойчивость традиционных гендерных диспозиций в политическом поле. Теоретик убедительно показывает, что даже при сдвигах границ политического поля и формальном допуске на него игроков-женщин, серьезных изменений в гендерной иерархии может и не происходить: как показывают разного рода измерения, властные диспозиции женщин и мужчин по существу остаются прежними. Однако в результате появления в этом поле игроков, не имеющих опыта «действия в смысле свободного поступка», могут существенно деформироваться и правила игры на нем. Поэтому Бурдье и настаивает на необходимости общественного контроля за этими правилами.

Высоко оценивая вклад Бурдье в раскрытие «тайны» пола, как бы добровольно соглашающегося на подчиненное положение, что становится особенно очевидно в моменты арханизации общественного дискурса, реставрации дореволюционных укладов, некоторые исследователи справедливо отмечают, что Бурдье явно недооценивает значимость «исторической динамики», а также «индивидуальных стратегий, направленных против того, что их ограничивает» [Коннелл, 2015, с. 132]. Поскольку гендерные отношения выстраиваются одновременно как некие структуры и практики, то ригидность структур может преодолеваться человеческой практикой, не только раздвигающей границы политического поля, но и меняющей диспозиции игроков в нем. Не случайно практика считается «постоянным источником ситуаций, в которых прежние модели отношений прекращают свое существование (“ситуация уже никогда не будет такой, как прежде”) и открываются новые возможности для изменений»⁹ [там же, с. 196]. Иначе говоря, прежние границы утрачивают смысл. Задача исследователей – зафиксировать этот момент путем количественных и качественных замеров политического поля, что, по сути, и является одной из форм контроля за социальными механизмами господства.

⁹ Серьезный анализ классической работы Р. Коннелл, в которой описываются механизмы гендерных сдвигов во властных структурах, уже не раз проводился российскими социологами. Выделю последнюю из статей, написанных по случаю выхода в свет русского перевода книги [Здравомыслова, 2016].

Для исследователей политического поля, на мой взгляд, крайне важно то, что Бурдьё рассматривает «мужское господство» как некую «парадигму (а часто модель и ставку) любого господства» [Bourdieu, 1998]. И с этой точки зрения тема «выхода» женщин в политическое поле, т.е. его гендерного передела, также имеет парадигмальное значение для анализа социальных практик всех тех, кто стремится к обретению политической субъектности.

Список литературы

Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: Феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 235–257.

Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

В парламент Франции избрано рекордное число женщин // Газета. Ru. – 2017. – 19 июня. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/37177339/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата посещения: 06.09.2017.)

Граница // Толковый словарь Ушакова онлайн. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=11064> (Дата посещения 21.10.2017.)

Диц М.Г. Ханна Арент и феминистская политика // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Сост. М.Л. Шенли, К. Пейтмен. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 316–346.

Женское избирательное право // Википедия: Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Женское_избирательное_право (Дата посещения: 20.10.2017.)

Здравомыслова О.М. «Гендер и власть»: Читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. – М., 2016. – Т. 15, № 3. – С. 213–222.

Измерение // Толковый словарь Ушакова онлайн. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=20517> (Дата посещения 21.10.2017.)

Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 432 с.

Крыжановская Е. Женщины в мировой политике: от Руанды до России (инфографика) // Deutsche Welle. – 2017. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/женщины-в-мировой-политике-от-Руанды-до-России-инфографика/a-37850297> (Дата посещения: 20.10.2017.)

Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М.: Высшая школа экономики, 2010. – 240 с.

Скотт Дж. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001 а. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 405–437.

Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001 б. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 946–962.

Среди глав государств и правительств всего 17 женщин // Центр новостей ООН. – 2017. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=27629#.WhQY3rjgyrM> (Дата посещения: 20.10.2017.)

Филиппов А.Ф. Где живет политика? // Полит. ру. – 2013. – 18 июня. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filippov/> (Дата посещения: 20.02.2017.)

Bourdieu P. *La domination masculine*. – Paris: Seuil, 1998. – 142 p.

Duhet P.M. *Les femmes et la revolution (1789–1794)*. – Paris: Juliard, 1971. – 239 p.

The global gender gap report 2016 // World Economic Forum. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016> (Дата посещения: 21.09.2017.)

The global gender gap report 2017 // World Economic Forum. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf (Дата посещения: 25.01.2018.)

Определение политического через свободу от произвола: Абрис гражданственности в неоклассическом республиканизме

*И.Л. Недяк*¹⁰

Аннотация. В статье рассмотрено понимание неоклассическими республиканцами политического как институционально организованного пространства, в котором моральный порядок, гражданские нормы и верховенство закона не допускают возможности беззакония власти. Политическое в такой трактовке представляется как событие, которое происходит при сочетании определенных обстоятельств. Предметом анализа являются предлагаемые неоклассическими республиканцами возможности и способы устройства такого политического порядка. Они раскрываются в ключевом концепте теории неоклассического республиканизма – свобода как *не-доминирование*. С учетом исследовательских задач конструирования политического поля в России, выделены обоснованные в республиканском проекте приоритеты в политической организации современного общества: создание неманипулируемой и устойчивой к коррупции системы; соблюдение закона как главная доблесть гражданина; предпочтение контестаторной формы гражданской активности перед массовым участием граждан в процессе принятия политических решений, обременение государства ролью субъекта социальной справедливости. Такой политике препятствуют негативные последствия «орыночивания» общества: экспансия этоса и принципов рынка в сферу политического; низведение статуса гражданина до положения потребителя; размывание основ социальной сплоченности и солидарности; рост неравенства и политической бедности; потеря навыков демократического гражданства; переопределение гражданских добродетелей.

Ключевые слова: неоклассический республиканизм; свобода как не-доминирование; маркетизация гражданства; гражданские доблести.

I.L. Nedyak

Defining the political through the freedom from arbitrary power: An outline of civic consciousness in the Neo-Classical republicanism

Abstract. The article examines the understanding of the political by Neoclassical Republicans as an institutionally organized space in which moral order, civil norms and rule of law prevent the possibility of lawlessness of power. The political in this interpretation is an event that occurs under a combination of certain circumstances. The subject of analysis are the possibilities and ways of arranging such a political order, offered by Neoclassical Republicans. These are revealed in freedom as non-domination – the key concept of the theory of neoclassical republicanism. The Neo-Republic project of constituting of a political field in Russia highlights the following priorities: creation of a non-manipulative and corruption-resistant system; observance of law as the main citizen virtue; preference of a contestatory form of civic activity over a mass participation of citizens in the process

¹⁰ **Недяк Ирина Леонидовна**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: iraned@mail.ru **Nedyak Irina**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: iraned@mail.ru

of political decision making; entrusting the state with the role of a subject of social justice. The implementation of this policy is hampered by the negative consequences of the marketization of society: expansion of market ethos and principles into the political sphere; reducing citizen's status to the consumer's position; erosion of the foundations of social cohesion and solidarity; growth of inequality and political poverty; loss of skills in democratic citizenship; redefinition of civic virtues.

Keywords: neoclassical republicanism; freedom as non-domination; marketization of citizenship; civil virtues.

Экуменический республиканизм

В республиканской традиции сфера политического определяется как свободное от произвола пространство. Ее природа отвергает неполитическую власть, неправоуое насилие, господство. Политическое формируется в публичном пространстве, в котором обладающие равными правами граждане ориентированы на достижение общего блага, имеют равные права и возможности участвовать в принятии / делиберации общественно значимых решений.

Экуменический республиканизм включил в *short-list* условий бытования политического следующие позиции.

- Наличие автономной сферы политического как особого пространства человеческой жизнедеятельности, как места и условия универсализации институционального порядка и его легитимации.

- Сосредоточенность взаимоотношений в публичной сфере на процессах осознания (различения), артикуляции, конкуренции, согласования и реализации общественных / групповых / частных интересов.

- Ориентированность на стратегические общие цели (интериоризация ценности общественного блага, делиберация способов его преумножения, принципов и механизмов распределения); значимость инклюзивности, общественного признания.

- Взаимодействие по правилам политической игры с ненулевым результатом: диалогичность, конкуренция мнений и почитание их плюрализма, соблюдение норм общей реципрокности (взаимного признания равных прав).

- Плюс, разумеется, правовой характер отношений, соблюдение общепринятых норм и установленных законов; последние в императивном порядке должны быть всеобщими неотвратимо применяться ко всем, включая законодателей [Экспертное обсуждение... 2017].

В таком прочтении политическое не предстает как перманентный феномен и / или стабильно закрепившийся этос и доминирующие практики политической активности. В своем пределе политическое *происходит* при определенных обстоятельствах как *событие*.

Многообразие факторов и их сочетаний, которые удаляют или приближают событие политического, чрезвычайно велико. Из первой группы факторов мы рассмотрим влияние экспансии этоса и принципов рынка в сферу политического. Будет показано, как «орыночивание» отношений между гражданином и государством низвергает статус гражданина до положения потребителя, перемещает гражданина из публичной сферы в пространство частного с соответствующим переопределением гражданских добродетелей.

Как возможно увеличить вероятность события политического? Посредством реализации концепции свободы как *не-доминирования*. Этот ответ дает неоклассический республиканизм.

Представления неоклассических республиканцев о политическом употребляются как своеобразная мера «метрических отношений» и «функциональных связей» инфраструктуры политики на континууме: от полисного (аристотеле-арендтовского) понимания политического и инклюзивных режимов гражданства к рыночной экспансии в сферу политического и формированию различных видов эксклюзивных режимов гражданства.

Арендтовскую концепцию «классического» полисного республиканского гражданства мы сохраняем мерилем степени политического [Арендт, 2000]. Ее понимание *Vita activa* (эксплицитно или имплицитно) остается эталонной мерой, в том числе и в работах неоклассических республиканцев, которые, заметим, весьма критично относятся к наследию Ханны Арендт.

Концепции институтирования общества: Видимая рука общества и / vs невидимая рука рынка

Мегаконтинуум мышления о политике сформировали два архетипа представлений о социальном: политическая и экономическая концепции институтирования социального.

В политической концепции общество понимается как рукотворное политическое установление в интересах общественного благосостояния. Концепция опирается на идею общественного договора, для реализации которой необходимы политические институты. Политический (а не властный) характер регулирования предопределяет автономность сферы политики как места средоточия общественного действия и управления обществом. В «красный угол» помещены (само)ценность общественного блага, гражданского и политического участия, солидарности, взаимного признания прав и обязанностей, самоуправления общества.

Экономическая концепция конституирования социального в своем пределе представляет общество как неполитический организм. Такой подход позволяет «помыслить общество биологически, а не политически» – без центра власти [Розанваллон, 2007]. Взаимным договорным обязательствам противопоставляются рыночные принципы взаимодействия. Постулируется возможность и целесообразность регулирования всего общества (а не только экономической сферы) посредством рыночных механизмов – безличных и отделенных от любых фигур рукотворной власти. В этом смысле утверждается *политическое* преимущество рыночной модели vs любой и всех моделей общественного договора [там же; Элстер, 2012; Miller, 1990].

В экономической концепции главными факторами институционализации социального считаются индивидуальная автономия человека, гарантия его негативной свободы, приоритет права над общим благом. Политической жизни отводится инструментальное значение; не учитывается «важнейший фактор гражданства для современных людей» [Тейлор, 2001, с. 90].

В дискурсе процессов (де)политизации современного общества все дебаты о ревизии концептов гражданства так или иначе возвращаются к вопросу вопросов. Продолжает ли оставаться адекватной реалиям тотально «орыноченного» общества дуалистическая теория гражданства, корни которой восходят к «великой дихотомии» политического либерализма: «частное vs публичное», «государство vs рынок» [Bobbio, 1989]. Мы склонны согласиться с мнением об узости такого видения.

Концепция гражданского общества как рынка формировалась в ответ на «провалы» договорной парадигмы и по праву определяется не только как антагонист концепции общественного договора, но как ее наследник [Elster, 1986; Scinner, 1998]. Два мегапроекта *modernité* – договорная организация общества / приоритет общего блага и / vs рыночная неопосредованная самоорганизация общества / приоритет негативной свободы – сформировали богатые многопластовые дискурсы инфраструктуры политического и легитимации политического порядка. Несколько столетий они одновременно конкурируют между собой и обогащают друг друга. Примером тому служит содружество коммунитарных и (лево)либеральных посылок в рассматриваемых ниже концепциях неоклассического республиканизма.

Политический гражданин в «чреве» общества рынка

Согласно библейской притче, Иона три дня пробыл в чреве кита. Привела его туда тяжесть неосознания грехов. И был он выпущен, когда сумел осмыслить себя.

Преднамеренные и непреднамеренные последствия экспансии рыночных принципов регулирования в сферу политического взаимодействия привели к тому, что *человек экономический проглотил гражданина* [Habits of the heart... 2008]. Вместе со способом его бытия в пространстве политического, вместе с возможностью осмыслить и реализовать себя в публичной сфере.

В последней четверти прошлого века экономическая концепция обустройства общества и понимания политического *per se* одержала безусловную победу над политической.

Коротко обозначим экстерналии рыночной экспансии в домен политики, которые в «чреве» общества рынка¹¹ «переваривают» статус гражданина, обращают его в рыночный продукт, а отношения между гражданами (между гражданами и государством) – в отношения стоимостей.

Интервенция частной по своей природе сферы рыночных отношений в публичную по своей природе сферу принятия политических решений кооптировала общество в состав рынка в качестве одного из его элементов [Citizenship... 2001].

– В целом успешно *произведен ценностный переворот*: права гражданина политики (общее благо) подчинены требованиям самоответственности. Последние предъявляются не гражданам политики, а частникам рыночных отношений, добродетели которых читаются в терминах рыночной стоимости. Следствием такой «рокировки» становится «беспрецедентный паралич публичных политических дебатов и потеря демократического контроля за принимаемыми общественно значимыми решениями» [Habermas, 2016].

– Государства (в разной степени радикальности) отказываются от роли субъекта социальной справедливости. Минимизированы регулятивные функции государства по обеспечению занятости и экономического равенства в пользу рыночных механизмов как регуляторов всех сфер жизнедеятельности общества.

– Социальная политика «покидает» сферу действия устоявшихся в обществе моральных и этических норм. Она все хуже справляется с выполнением интеграционных функций: социально-политического арбитра, морального регулятора, хранителя общественной морали. На грани «летального исхода» такие ее политические функции, как формирование системного и межличностного доверия; развитие и поддержание навыков демократического гражданства; включение институтов гражданского общества в процесс принятия общественно значимых решений.

– Чрезвычайно ослаблен институт социального гражданства во всех своих ипостасях: как статус, как участие, а также как механизм поступательного расширения пределов равенства. «Продавливается» институт неолиберального гражданства (гарантия политических и гражданских прав при минимизации социальных прав). Он применяется как инструмент упразднения эгалитарного измерения неравенства.

Прекарность превращается в новую норму на рынке труда. Полная занятость уже давно потеряла статус права гражданина. Флексибилизация занятости привнесла почти рабские условия найма, на которые люди «добровольно» соглашаются под давлением экономических обстоятельств.

¹¹ Под обществом рынка мы понимаем гегемонию рыночной морали, принципов, механизмов, оценки взаимодействия во всех некоммерческих сферах жизнедеятельности общества.

Беспрецедентное углубление неравенства повернуло историю вспять: она вернулась к дизраэлиевским Двум Нациям, богатых и бедных. Проблема неравенства и политической бедности индивидуализируется и вытесняется из публичной сферы. В геометрической прогрессии растет число людей, которые обречены на стратегии выхода, так как развивается культура бедности, стигматизация «лузеров», политическая бедность.

Социальная инклюзия более не является атрибутом статуса гражданства. Она зарабатывается и приобретается как рыночный продукт. Размываются основы социальной сплоченности и солидарности. А эксклюзивная солидарность усиливается, она питает радикализм и одновременно питается им.

Теряет статус общего блага – право иметь права, которое Х. Арендт определила как фундаментальное право граждан на инклюзию, членство в сообществе и признание им.

Разные форматы, в которых предлагается вернуть осязаемость «невидимым гражданам незримого общества» [Бауман, 2005, с. 28], предопределяют содержание стратегий конституирования политического поля. В политических проектах неореспубликанцев основным и непрерывным условием политического гражданства постулируется защищенность человека от произвола любой власти посредством институциональной среды и морального порядка.

Республиканский поворот

От наивысшего успеха неолиберальной политики в 1970–1980-е годы маятник качнулся до нынешнего ее идеологического и философского упадка. Критики неолиберализма также особенно не преуспели в генерировании схожих по «весу» альтернативных политических проектов.

(Де)политизация, (пере)определение политического, (ре)организация политического порядка – таков неполный «пакет» первоочередных вопросов современной политической повестки [European Sociological Association... 2017]. Глобальный политический порядок переживает непростые времена. Множественные тектонические разломы нарушили сплошность политической «коры», и все оказались на распутье: «правые» и «левые», консерваторы и радикалы.

Республиканизм – одно из немногих политических учений, которое переживает ренессанс в условиях сложных времен неолиберальной доктрины и «топтания» на распутье левой политической мысли.

Неореспубликанцы равнодушны к вопросам идеологической таксономии, предлагая свой проект обустройства политического порядка. Они утверждают, что стержневая аксиома неореспубликанизма – свобода как не-доминирование – включает «богатое, даже радикальное многообразие политических курсов... <и> ...может обеспечить лояльность граждан развитых мультикультурных обществ, несмотря на их собственные особые представления об общем благе» [Петтит, 2016, с. 28, 179].

В 1980-е годы республиканизм вступает в период, который в литературе описывают как «республиканский поворот», «республиканское возрождение», «подъем гражданского республиканизма» и проч. С крахом проекта реального социализма, с роспуском Советского Союза и распадом социалистического лагеря рыночная концепция институционализации социального лишилась своего основного идейного оппонента. Неореспубликанизм¹² успешно играет одну из партитур этой роли – дискуссионта и основного теоретического соперника современного либерализма [Olsen, 2006].

¹² Для обозначения этого периода и направления развития республиканской теории в литературе применяют различные определения в синонимичном значении: «республиканизм», «неореспубликанизм», «коммунитарный республиканизм», «гражданский республиканизм» [Olsen, 2006, p. 1].

Текущий кризис неолиберальной доктрины и ставшая очевидной интеллектуальная слабость ее коллективного визави из «левого» лагеря усилили привлекательность республиканского проекта и среди теоретиков, и среди практических политиков. Не очень большим преувеличением можно считать утверждение, что неореспубликанизм стал важнейшим, и, возможно, наиболее убедительным примером постсоциалистической политической мысли [Republicanism... 2008].

Как и следовало ожидать, в неореспубликанизме проявились две исторически сформировавшиеся ветви классической республиканской политической философии, которые восходят к учениям Древней Греции и республиканского Рима.

Представители первой ветви (*communal republicans*) опираются на максимы аристотелевско-арендтовской республиканской традиции: (само)ценность политического участия и восприятие его как общего блага, подчинение личного интереса общественному, участие в публичной жизни как высшая форма самореализации, способ самоопределения и получения общественного признания.

Но мейнстримом современной республиканской мысли стала другая ветвь – неоклассический республиканизм. Она восходит к республиканскому периоду Древнего Рима, развивается в трактатах «божественного» Макиавелли, в трудах английских республиканцев XVII в. В концептуальных построениях неоклассического республиканизма отчетливо читается цicerоновская трактовка свободы. В республиканском Риме свобода (*libertas*) означала прежде всего не равенство в участии и не право на публичную делиберацию общих дел на агоре, как в Афинах. Главная привилегия римского гражданства состояла в обладании права быть под защитой закона и требовать такой защиты от правителя.

Неоклассический республиканизм развивается в работах Квентина Скиннера, Изольт Хонохен, Джона Покока, Касс Санстейн и, разумеется, Филипа Петтита – пожалуй, самого авторитетного современного теоретика республиканской традиции.

Неоклассики продолжают теоретическую традицию своей *alma mater*. Высшей политической ценностью и мерилом политической институциональной жизни они прокламируют не массовое политическое участие, а *эмансипацию от подчиненности любой произвольной власти*. Эта *principalis ratio* выражена в концепции свободы как не-доминирования¹³.

Телос не-доминирования: Политическое как пространство господства гражданских норм и верховенства закона над беззаконием власти

Значение концепции «свобода как не-доминирование» в политической философии и теории неореспубликанизма таково, что в полной мере не передается заштампованными определениями «ключевая», «стержневая» и проч.

Свобода как не-доминирование¹⁴ – суть и соль неоклассического республиканского мышления о политике: о политическом идеале и институциональном дизайне; о целях и формах республиканского правления; о власти и подчинении; о субъектности и агентности (agency); о гражданственности; об общем деле, общей вере и общем мире.

Концепция свободы как не-доминирования определяется как институциональное обеспечение условий, которые не только препятствуют *произвольному* вмешательству любого агента в свободный выбор своего визави. Свобода как не-доминирование требует наличия кон-

¹³ «Термин “non-domination” в первом вышедшем на русский язык тексте Ф. Петтита был переведен более благозвучно как “отсутствие доминирования”. Но в таком переводе он теряет свою “терминологичность”, превращается в обычное словосочетание двух понятий. Мы согласны, что термин “не-доминирование” является более точным» [Павлов, 2016, с. 20].

¹⁴ Неореспубликанцы опираются на веберовскую трактовку доминирования: один агент доминирует над другим только в том случае, если он имеет над ним власть вмешательства, основанного на произволе [Вебер, 2016].

ституций, которые *устраняют* саму возможность осуществить произвол [Петтит, 2016; Pettit, 2012; Honohan, 2002; Skinner, 1998]. Из определения следует, что государству и законоправу отводится ключевая роль в создании и поддержании политического порядка не-доминирования. Задача государственного управления – обеспечить такую институциональную среду, которая позволяет *властью закона* оградить человека *от произвола власти*.

Свобода как не-доминирование имеет политическую природу. Она может быть реализована только в процессе общественного взаимодействия равных по статусу индивидов.

Государственное управление, которое допускает условия для произвольного вмешательства, нельзя считать справедливым и демократичным. Республиканские неоклассики утверждают: неперемное условие современной политики и политического гражданства – «независимость от власти другого человека или группы лиц... власти настолько сильной, что может избегать санкций закона или обходиться с ним, как ей захочется... <ибо сам факт ее существования>, даже если она действует в интересах подданных, порождает у подчиняющихся рабский менталитет» [Вироли, 2014, с. 33, 40, 38, 34].

Обратим внимание на важный тезис – *недопущение даже возможности произвола*. Он положен в основу различения неоклассическими республиканцами двух противоположных состояний: свобода граждан и свобода слуг. Последняя приравнена к сервитуту или рабству [Вироли, 2014; Skinner, 1998; Sen, 2009]. Человек не свободен даже в том случае, когда он вольготно пользуется свободой при по тем или иным резонам не вмешивающемся в его дела господине (лицом или группой лиц, которые имеют возможность по своей воле попираить закон). Ибо наличие господина (т.е. персонифицированной или деперсонифицированной возможности произвольного вмешательства) все равно остается фактором доминирования и делает из граждан слуг.

Не менее важен второй тезис. Недостаточно, чтобы человек перестал быть объектом произвола. Важна его осознанная решимость самому не стать субъектом господства. Не-доминирование означает не только *не быть рабом* (т.е. свободу человека от любого беззакония), но включает его готовность *не быть господином* (самому не допускать произвола по отношению к другим).

«Третий глаз» свободы как не-доминирования: Припадая к истокам

Концепция и идеал свободы как не-доминирования позиционируется как особый третий республиканский подход [Skinner, 2002].

Неоклассические республиканисты считают досадным упрощением дихотомию концепций свободы Исаяи Бёрлина: негативная свобода (свобода от) и позитивная свобода (свобода для). По их мнению, это закосневшая дуальность. Она «поддержала философскую иллюзию» о существовании только двух пониманий свободы и затмила «философскую обоснованность и историческую реальность третьего пути» [Петтит, 2016, с. 55]. В чем его особенность? Какие измерения открывает «третий глаз» свободы как не-доминирования?

В отличие от негативной свободы, свобода как не-доминирование исключает внутреннюю эмиграцию и любые стратегии выхода. Но она содержит либеральные директивы о главенстве закона, автономии индивида, его праве на собственность в трактовке Локка (которая, напомним, содержит собственность на самого себя) [см.: Локк, 1988, с. 277].

С отношением к позитивной концепции свободы положение сложнее. Развивая идеи Квентина Скиннера, Филип Петтит вскрывает «исторические наложения» в республиканском понимании свободы и заключает, что концепция свободы как не-доминирования не является концепцией позитивной свободы. Но это и не придуманное новшество. Она возвращает нас к более широкому досовременному республиканскому пониманию свободы: не быть ни рабом, ни господином.

По мнению неоклассиков, в Новое время, когда гражданские права были расширены на ранее исключенные категории граждан (женщины, неимущие), количество предоставленной свободы отразилось на ее качестве. Классическое республиканское понимание свободы как *не-доминирования* было редуцировано до свободы / права / привилегии политического участия и представительства. «Следствием этого стало искажение республиканского мышления о политике и понимания республиканского государственного правления» [Петтит, 2016, с. 74].

Неоклассические республиканцы весьма критичны к той версии республиканской теории, которая сформировалась под влиянием работ Ханны Арендт. В арендтовской трактовке позитивной свободы Ф. Петтит видит «дух популизма». Он убежден, что «партиципаторный идеал неосуществим в современном мире, и в любом случае подчинение каждого человека всеобщей воле вряд ли можно считать привлекательной перспективой» [там же, с. 155].

В этой части «республиканизм вступает в союз с либерализмом против коммунитаризма, так как республиканскому подходу свойственно стремление к «относительно нейтральной повестке, не привязанной ни к одной конкретной концепции блага» [Петтит, 2016, с. 218]. Но, разумеется, в силу своей политической природы свобода как не-доминирование является коммунитарным благом. Как и политическое в нашем понимании, это благо *возникает как событие*, которое имеет «степени интенсивности и объема» [там же, с. 458; Pettit, 1993; Lovett, 2010]. Оно – как солидарность или статус – появляется и исчезает, вместе с появлением и исчезновением интерактивных predispositions [Miller, 1990].

Конструирование политического как свободного от доминирования пространства

Ф. Петтит с жаром прозелитизма (сказывается духовное образование) прокламирует свободу как отсутствие рабства / сервилитета / доминирования высшими ценностью и целью республиканского государства.

Неманипулируемая система, социальная справедливость, широко распространенная гражданственность – три основных условия и необходимые инструменты домена республиканской свободы [Scinner, 1998; Honohan, 2002; Pettit, 2012; Birnbaum, 2015].

Способы достижения всеобщего *не-доминирования* во многом определяют требования, которые неоклассические республиканцы предъявляют себе как разработчикам теоретических обоснований «нового курса». Одной фразой их суть можно выразить так: оставить башню из слоновой кости. Неоклассический республиканизм избавляется от «родового греха» кабинетности республиканской мысли и деонтологического мышления. Ф. Петтит говорит о решительности развивать такие черты эмпирической направленности неоклассического республиканизма как антидеонтологизм, антиутопизм и антиморализм [Pettit, 2017]. Любой политический проект должен пройти тест на реалистичность и реализуемость: желательность означает доступность. Он должен непременно учитывать черные и серые «пятна» сущего: несовершенство человеческой природы, склонность индивидов и институтов к политическому оппортунизму и коррупции, подверженность людей манипуляции, гедонизму, эгоистическим соображениям и проч.

Исходя из этих посылок, неоклассики акцентируют внимание на трех принципах «обустройства» политического порядка всеобщего *не-доминирования*: резистентность к манипуляции и коррупции трех «И» – институтов, инструментов управления и инициатив; контрмajoритаризм, контестаторная демократия.

Резистентность к манипуляции и коррупции

Неманипулируемая система должна соответствовать минимум трем условиям: верховенство закона, рассредоточенность властей, сопротивляемость закона воле / тирании большинства [Pettit, 2015; Olsen, 2006; Sunstein, 1990; Lovett, 2012].

Устойчивые институты – предмет особой заботы неореспубликанцев. Институт считается устойчивым, если он не поддается эрозии коррупции, даже в том случае, если его участники коррумпированны.

И вновь мы видим, что в утверждении такой формы конституционализма и такого понимания гражданственности неоклассики опираются на «столпы» неоримской и италийно-атлантической ветвей республиканской традиции.

Монтескьё отмечал, что соблюдение закона – это главная доблесть гражданина и условие его свободы. Если гражданин делает то, что закон запрещает, он лишается защиты закона и теряет свободу, потому что у другого гражданина появится такая же власть нарушить закон и попортить свободу. Несоблюдение принципа рассредоточения власти ведет к тирании, так как для обеспечения свободы важнее не гражданские добродетели участия, а чтобы одна власть могла контролировать другую власть [Монтескьё, 1999].

Контрмажоритаризм и контестаторная демократия

В отношении массового участия граждан в процессе принятия политических решений неоклассики не скрывают, что опасаются легко манипулируемого большинства в несправедливо устроенном социуме. Такая позиция созвучна выводу Ю. Хабермаса о невозможности рациональной дискуссии при наличии экономического и / или политического доминирования в обществе [Хабермас, 2000]. Поэтому в неоклассическом республиканизме контестаторная форма гражданской активности считается более адекватной реалиям общества растущей асимметрии ресурсов (властных, экономических, информационных, культурных и пр.).

Оспариваемость – одна из ипостасей традиционной для республиканизма идеи гражданской бдительности. Республиканскому гражданскому контролю имманентна обоснованная делиберация – «республика доводов». Ее роль неоклассики ни в коей мере не принижают. Но Петтит категоричен: «Приближение к идеалу обеспечивает в первую очередь не широкое согласие людей по общественно значимым вопросам, а институты, которые гарантируют людям возможность оспаривать действия государства... важно обеспечить, чтобы действия власти были не продуктом народной воли, а были способны выдерживать испытание народным оспариванием» [Петтит, 2016, с. 465]. Неоклассики убеждены, что сильная видимая рука общества измеряет участие не массовостью, а степенью возможности гражданина оспаривать деятельность государства при безусловной институционально обеспеченной гарантии такой возможности. Петтит почти дословно повторяет Монтескьё: «Власть *контролировать* принятие решений важнее *участия* в них» [Pettit, 2012; Honohan, 2002, p. 228].

Welfare как условие и инструмент не-доминирования

Для республиканского понимания свободы священно право человека на базовые возможности для функционирования в локальной культуре [Sen, 1985]. Не-доминирование является «безусловно эгалитарным благом» [Петтит, 2016, с. 460]. Для обеспечения его бытия необходимо провести «обратную рокировку» в политике *welfare*: вновь поставить права гражданина политики выше самоответственности потребителя. Статусное и политическое естество свободы

как *не*-доминирования красиво раскрывает заключение П. Бурдьё: «Автономия преподавателей, поддержавших Золя в деле Дрейфуса, отчасти связана с тем, что они были штатными преподавателями: на удивление, в этом случае привилегия оказалась условием свободы. Следовательно, разрушение стабильной занятости оборачивается потерей свободы» [Бурдьё, 2005].

Регулятивной роли государства отводится критически важное место в неореспубликанских теориях свободы [Scinner, 1998; Pettit, 2012; Петтит, 2016], гражданства [Republicanism... 2008], справедливости [Lovett, 2010], демократии [White, 2012], благосостояния [Mead, 2005; Birnbaum, 2015].

Социальный порядок *не*-доминирования обременяет государство ролью субъекта социальной справедливости. Такое движение «назад в будущее» означает: возвращение к более активной политике регулирования занятости и гармонизации неравенства; восстановление в статусе общего блага права иметь права; вызволение людей из «гетто» социальной эксклюзии; признание общественными таких проблем как бедность, индивидуализация биографий, социальная депривация etc. [Mead, 2005; Krause, 2013; Birnbaum, 2015]. При этом интериоризация ценности и состояния «не быть рабом / не быть в зависимости от воли другого» считается надежным иммунитетом от таких экстерналий кейнсианского государства благосостояния как патерналистские настроения, иждивенчество, социальная пассивность.

Укрепляет этот иммунитет *республиканизм газовых и водонапорных башен*. Так назвал Ф. Петтит обращение теории и практики неоклассического республиканизма к повседневным проблемам граждан. Для создания порядка *не*-доминирования особое внимание уделяется развитию гражданской и политической активности на локальном уровне. Здесь социальные и гражданские технологии применяются для обучения граждан навыкам решения индивидуальных / групповых задач в публичной сфере.

Самая отзывчивая среда для реализации стратегий эмпауэрмента локализована на низовом уровне. Это подтверждает богатейший общемировой опыт проведения социальных кампаний, нацеленных на «вживание» общественно значимых практик и норм поведения посредством стимулирования низовых инициатив и сетевого взаимодействия граждан для решения самых обыденных проблем повседневной жизни. Доказано, что органы местного самоуправления оказались наиболее эффективными и перспективными площадками для вовлечения граждан в деятельность исполнительных органов власти, для развития культуры и навыков двуправленного взаимодействия управляющих и управляемых.

Вместо заключения: Горизонты отечественного «республиканизма в душе»

Любопытны «пометки на полях» страниц истории российского республиканизма. Российские монархи (Екатерина Великая, Александр I) и многие просвещенные приверженцы монархизма горделиво называли себя *республиканцами в душе* [Каплун, 2008].

Какие струны сегодняшней российской «республиканской души» может затронуть концепция *не*-доминирования и тем самым стать инструментом «мягкой силы» конституирования в России политики современного типа?

На поверхностный взгляд, идеал свободы от господства близок по духу русской вольнице. Поэтому паттерн поведения, в котором сочетаются «лед и пламень» притягательности для россиян идеала свободы как антитезы рабства и императивность требования господства права может стать неплохой платформой для решения ряда нужных задач: правового и гражданского образования, борьбы с правовым нигилизмом, обучения контестаторной активности, институционализации «демократии оспаривания», практик и норм законопавия, повышения сопротивляемости институтов коррупции.

Республиканские стратегии продвижения политического порядка *не*-доминирования отводят государству очень важную роль и в этой части «вписываются» в российский институ-

циональный дизайн. Не меньшее (если не большее) значение имеют стратегии эмпауэрмента «республиканизма водонапорных башен». Для российского кейса представляются безусловно полезными концептуальные разработки и опыт борьбы с доминированием на локальном уровне посредством развития школ *agency* и школ оспаривания.

В завершение стоит отметить, что на низовом (и первостепенно важном!) уровне конституирования современной политики в высшей степени инструментальна ценностно нейтральная модель политического поля. Ее системе координат чужеродно оперирование совокупными концептами. Автор этого определения-диагноза, Ион Шапиро, определил совокупные концепты как «идеи, которые взращивают и усиливают вводящие в заблуждение дихотомии». Они приводят гуманитарные науки к «бегству от реальности», ибо «систематически искажают анализируемые феномены, переключая внимание с первоочередных вопросов о мире на второстепенные вопросы о понятиях, которые никогда не будут разрешены, так как они покоятся на категориальных ошибках» [Шапиро, 2011, с. 45, 299]. Применительно к предмету нашего исследования, к таким вводящим в заблуждение дихотомиям при осмыслении политического порядка в России можно отнести дуальную пару «демократический порядок» – «авторитарный порядок».

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
- Бурдье П.* Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Вебер М.* Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии: В 4 т. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – Т. 1: Социология. – 445 с.
- Вироли М.* Свобода слуг. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 113 с.
- Каплун В.* Российский республиканизм как социокультурная традиция // Полит. ру. – 2008. – 7 марта. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2008/03/27/kaplun/> (Дата посещения: 1.02.2018.)
- Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 674 с.
- Павлов А.* Республиканизм Филипа Петтита: Самая актуальная современная политическая философия // Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 7–24.
- Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.
- Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 266 с.
- Тейлор Ч.* Философия и ее история. – М.: ИФ РАН, 2001. – Вып. 8. – С. 78–95.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – М.: Наука, 2000. – 384 с.
- Шапиро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 386 с.

Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. –

М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 73 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (Дата посещения: 6.02.2018.)

Элстер Ю. Рынок и форум. Три разновидности политической теории // Логос. – М., 2012. – № 3 (87). – С. 60–87.

Birnbaum S. Welfare contractualism, social justice and republican citizenship // New contractualism in European welfare state policies / Ed. by E. Rune, N. Kildal, E. Nilssen. – Farnham: Ashgate, 2015. – P. 17–46.

Bobbio N. Democracy and dictatorship: The nature and limits of state power. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1989. – 186 p.

Citizenship, markets and the state / C. Crouch, K. Eder, D. Tambini (eds). – N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 285 p.

Elster J. The market and the forum: Three varieties of political theory // Foundations of social choice theory / J. Elster, A.H. Hylland (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – P. 103–132.

European Sociological Association 13 th Conference. (Un)Making Europe: Capitalism, solidarities, subjectivities, Athens, 29 August – 01 September 2017: Abstract book. – Paris: European Sociological Association (ESA), 2017. – 1000 p. – Mode of access: https://www.europeansociology.org/sites/default/files/ESA-2017-Athens_Abstract-Book_final.pdf (Дата посещения: 9.02.2018.)

Habermas J. Core Europe to the rescue: A conversation with Jürgen Habermas about Brexit and the EU crisis // Social Europe. – L., 2016. – 12 June. – Mode of access: <https://www.socialeurope.eu> (Дата посещения: 1.02.2018.)

Habits of the heart: Individualism and commitment in American life / R.N. Bellah, R. Madsen, W.M. Sullivan, A. Swidler, S.M. Tipton. – Berkeley: Univ. of Calif. press, 2008. – 355 p.

Honohan I. Civic republicanism. – L.; N.Y.: Psychology press, 2002. – 328 p.

Krause S. Beyond Non-Domination: Agency, inequality and the meaning of freedom // Philosophy and Social Criticism. – L., 2013. – Vol. 39, N 2. – P. 187–208.

Lovett F. A general theory of domination and justice. – Oxford: Oxford univ. press, 2010. – 273 p.

Lovett F. What counts as arbitrary power? // Journal of Political Power. – L., 2012. – Vol. 5, N 1. – P. 137–152.

Marti J., Pettit Ph. A political philosophy in public life: Civic republicanism in Zapatero's Spain. – Princeton: Princeton univ. press, 2012. – 216 p.

Mead L. Welfare reform and citizenship // Welfare reform and political theory / L. Mead, C. Beem (eds). – N.Y.: Russell Sage foundation, 2005. – P. 172–199.

Miller D. Market, state, and community: Theoretical foundations of market socialism. – Oxford: Oxford univ. press, 1990. – 373 p.

Olsen E.J. Civic republicanism and the properties of democracy: A case study of post socialist political theory. – Lanham (MD); Oxford: Lexington books, 2006. – 313 p.

Pettit Ph. A political realism meets civic republicanism // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – L., 2017. – Vol. 20, Issue 3. – P. 331–347.

Pettit Ph. On the people's terms: A republican theory and model of democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 338 p.

Pettit Ph. The robust demands of the good: Ethics with attachment, virtue, and respect. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – 281 p.

Republicanism and political theory / C. Laborde, J. Maynor (eds). – Oxford: Blackwell, 2008. – 280 p.

Sen A. The idea of justice. – Cambridge: The Belknap press of Harvard univ. press, 2009. – 468 p.

Skinner Q. Liberty before liberalism. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – 142 p.

Skinner Q. A Third Concept of Liberty // Proceedings of the British Academy. – Oxford, 2002. – Vol. 117. – P. 237–268.

Sunstein C.R. After the rights revolution: Reconceiving the regulatory state. – Cambridge: Harvard univ. press, 1990. – 284 p.

White S. Property-owning democracy and republican citizenship // Property-owning democracy: Rawls and beyond / M. O'Neill, T. Williamson (eds). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. – P. 129–146.

Делиберация как фактор конституирования поля современной политики

Т.В. Павлова¹⁵

Аннотация. В статье анализируются основные теоретические подходы к исследованию делиберации и делиберативной демократии как новой парадигмы современной демократической теории и политической теории в целом. В статье рассмотрены основные нормативные принципы делиберации как нового способа политического участия, сделан вывод о том, что делиберация является моделью современной политики; также сформулированы условия, при которых возможна имплементация данной модели в современной России.

Ключевые слова: делиберация; демократия; делиберативная среда; рефлексивный моральный индивид; делиберативная модель политики.

T.V. Pavlova

Deliberation as the constitution factor of modern politics field

Abstract. The article analyzes the main theoretical approaches to the study of deliberation and deliberative democracy as a new paradigm of modern democratic theory and political theory in general. The article considers the main normative principles of the deliberation as a new mode of political participation and concludes that the deliberation is a model of modern politics; the conditions under which the implementation of such a model is possible in contemporary Russia are formulated as well.

Keywords: deliberation; democracy; deliberative environment; reflective moral individual; deliberative model of politics.

Данная статья является частью коллективного исследования, посвященного формированию политического поля в современной России. В своем анализе мы исходим из понимания политического поля как «публичного пространства институционализированных взаимодействий (диалога и конфликта, протеста и поддержки, сотрудничества и борьбы) по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества» [Павлова, Патрушев, Филиппова, 2017]. В задачи исследования входит анализ того, кто может быть актором поля политики в современной России и по каким правилам они могут действовать. Попытаемся ответить на этот вопрос, исходя из той модели политики, которая сложилась в эпоху модерна и постмодерна, обратившись, в частности, к такому сравнительно новому фактору в политике, как делиберация.

Изменения в современной политике. Появление новых акторов

Характеристики современной политики, под которой мы понимаем политику эпохи модерна, естественным образом отражают глобальные социальные изменения последних десятилетий: все возрастающую сложность, дифференциацию и фрагментацию западного

¹⁵ Павлова Тамара Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: tamarapavlova@mail.ru **Pavlova Tamara**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

общества, радикальные сдвиги в его социальной структуре, ослабление социальных норм, тенденцию ко все большей индивидуализации. Эти глубокие и стремительные трансформации дали ведущим социологам основание для таких определений, как «индивидуализированное общество», «растекающаяся модернити» [Бауман, 2002], «общество риска», «рефлексивная модернизация» [Бек, 2000].

В контексте радикальных социетальных трансформаций произошли изменения в содержании и характере политики, которой все в большей мере присущи такие черты и процессы, как индивидуализация, дифференциация (появление сфер субполитики), размывание границ политики, связанное с появлениями новых носителей политического (новых социальных движений других, в том числе и индивидуальных акторов), децентрализация политики, деполитизация государственного управления, растущее отчуждение граждан от политики.

Феномен индивидуализации по-разному оценивается исследователями. По мнению многих из них, усиление социальной дифференциации и сложности современного общества, индивидуализация сознания, а также рост неопределенности и нестабильности в жизни людей приводят к тому, что субъекты «все сильнее руководствуются стремлением к индивидуальному самовыражению и индивидуальному действию» [Дзоло, 2010, с. 126], все в меньшей степени стремятся к солидарности и созданию коллективных общностей, что лишает коллективное измерение политической жизни легитимности [там же, с. 127].

Действительно, в поле современной политики коллективные акторы (партии, профсоюзы и другие организации) в значительной мере утрачивают ту роль, которую они играли прежде. Западные исследователи практически единодушны в признании того, что политические институты современных демократий, прежде всего институты представительства, переживают кризис и нуждаются в обновлении и качественном развитии [Crosier, Huntington, Watanuki, 1975; Citizens... 1995; Pharr, Putnam, 2000; Dalton, 2004].

Представляется, однако, что «стремление к индивидуальному самовыражению и индивидуальному действию» вовсе не обязательно ведет к отрицанию коллективного измерения политики, как полагает Д. Дзоло. Скорее, речь должна идти о новых формах этого измерения в условиях современного общества – коммуникации и взаимодействии индивидов как граждан, ориентированных на достижение не только своих личных и групповых целей, но и общего блага. Кристиан Вельцель в своей книге «Рождение свободы»¹⁶, касаясь дискуссии о позитивных и негативных аспектах индивидуализма, которая ведется социологами и психологами, отмечает, что он и его коллега и соавтор Рональд Инглхарт [Inglehart, Welzel, 2005, p. 141–144, 293–295] не согласны с отождествлением рядом исследователей индивидуализма с эгоизмом и трактовкой его как деструктивного фактора, ведущего к «потере сообщества», распаду социальных связей. Выступая сторонниками «позитивного индивидуализма», они определяют его «как ориентацию, которая рассматривает каждого человека как, прежде всего, ценную автономную личность» [Вельцель, 2017, с. 209], а индивидуализацию – как процесс эмпауэрмента человека. При этом индивидуализация «вовсе не отменяет склонность людей объединяться с себе подобными – напротив, она дает свободу объединяться или отделяться согласно выбору людей. В результате социальные отношения, преданность группе, коллективные аффилиации в большей степени соответствуют желаниям людей» [там же, с. 211]. Эмансипативные ценности, которые в концепции Вельцеля являются главным предметом анализа, «представляют собой гражданственную, просоциальную форму индивидуализма, связанную с неэгоистической, доверительной и гуманистической ориентациями» [там же]. Именно такой индивидуализм может, как нам представляется, стать основой для новых форм политики, в частности делиберативной.

¹⁶ Английское издание книги Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation.

«Делиберативный поворот» в политической теории

В контексте дискуссии о связи гражданственности с индивидуализацией становится очевидной востребованность тех моделей демократии, которые предполагают участие рядовых граждан в политике не только посредством участия в выборах и в работе политических организаций, но и в различных формах прямого участия и действия. Не случайно поэтому значительное развитие в последние десятилетия получили концепции демократической делиберации как существенно расширяющей возможности активного включения граждан в политику [Хелд, 2014, с. 413].

Сдвиг в демократической теории, получивший название «делиберативный поворот» [Dryzek, 2000, p. 5]¹⁷, произошел в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века и был, прежде всего, ответом на кризис демократии, рост недоверия к политике в целом, в частности, к ее представительным институтам. Поворот состоял главным образом в том, что суть демократии стали усматривать не в голосовании и агрегации интересов, а в процессе публичной коммуникации между гражданами по поводу касающихся их политических решений.

Внимание теоретиков демократии в этот период смещается от политического представительства к социальным процессам, к повседневной жизни индивида [Chandler, 2013; Stears, 2011]. На первый план выходит проблема индивидуальных когнитивных и социальных способностей, ответственности индивидов за себя и свои сообщества. Политические проблемы решаются через демократизацию повседневной жизни, в которой политические субъекты встраиваются в дифференцированные, плюралистичные и пересекающие границы друг друга социальные и когнитивные сообщества: семью, трудовые коллективы, школы, соседские и досуговые организации. А сама демократизация происходит путем наделения властью (social empowerment) как сообществ, так и индивидов, которые становятся ключевыми фигурами в процессе принятия решений. Именно в этой логике выстроена теория делиберативной (дискурсивной) демократии.

Важно отметить, что «делиберативный поворот» коснулся не только теории демократии, но и оказал масштабное влияние на всю современную политическую теорию [Dryzek, 2000; Ganuza, 2012]. Делиберация обозначила «новый политический горизонт, в свете которого моделируются многие из классических проблем современной теории политики: равенство, распределение власти, участие и влияние» [Ibid., p. 19]. В теории делиберации речь идет фактически о новом понимании политики – не в логике государство-центризма и политического представительства, а в логике социального эмпауэрмента, связанного со способностями «рефлексивных граждан» принимать разумные и ответственные решения в своей повседневной жизни.

Понятие делиберации и теоретические истоки делиберативной теории

Исследователи отмечают, что не существует единого, устраивающего всех определения делиберации [Deliberative politics... 1999; Mendelberg, 2002]. Однако большинство из них считают главными идеи о том, что политические решения, сказывающиеся на жизни граждан, должны приниматься самими гражданами, и что участвующие в процессе делиберации люди

¹⁷ Шанталь Муфф называет обращение к тематике делиберации «новой парадигмой демократии», оговариваясь, что «основная идея – “при демократической форме правления политические решения должны приниматься в ходе обсуждения их свободными и равными гражданами” – сопутствовала демократии с самого ее рождения в Афинах пятого века до нашей эры» [Муфф, 2004, с. 180].

основываются на аргументах, отражающих потребности или принципы каждого, кого касается обсуждаемая проблема [Gutmann, Thompson, 1996; Habermas, 1989; Rawls, 1996].

Словарь «Мерриам-Вебстер» дает следующий перевод термина *deliberation*: «дискуссия или обсуждение группой лиц (таких, как жюри или законодательное собрание) аргументов за или против какого-либо действия» [Deliberation, 2018].

Основные постулаты данного направления в политической теории, отмечается в статье в энциклопедии Британника, посвященной делиберативной (дискурсивной) демократии¹⁸, состоят в следующем: «политические решения должны быть результатом честной и аргументированной дискуссии и дебатов между гражданами. В делиберации граждане обмениваются аргументами и обсуждают различные утверждения, конструируемые с целью обеспечить общее благо. В процессе этого обсуждения граждане могут прийти к соглашению относительно того, какая процедура, какое действие или политика будут лучше всего способствовать общему благу» [Eagan].

Впервые термин «делиберативная демократия» был использован в работе американского автора Джозефа Бессета, опубликованной в 1980 г. [Bessette, 1980], хотя еще ранее идеи «демократии обсуждения» развивал американский философ Джон Дьюи [Dewey, 1954].

Наибольшее влияние на формирование теории делиберативной демократии оказали известные философы Юрген Хабермас и Джон Ролз. Шанталь Муфф, анализирувавшая концепции этих мыслителей, справедливо видит их заслугу в том, что они вернулись к проблемам морали и справедливости в политике [Муфф, 2004].

Вклад Хабермаса состоит прежде всего в разработанной им теории коммуникативного действия. Под коммуникативным действием он понимает такое взаимодействие, интеракцию по крайней мере двух индивидов, которое упорядочивается согласно нормам, принимаемым за обязательные. Целью коммуникативного действия, в отличие от инструментального, ориентированного на успех, является у Хабермаса взаимопонимание действующих индивидов, их рационально достигаемый консенсус. Такой консенсус предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание и взаимодействие. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интересующим признанием притязаний на значимость» [Хабермас, 2001, с. 91]. Обосновывая свои притязания на истинность и правильность, участник коммуникации «приводит рациональные аргументы в качестве гарантии, т.е. дискурсивным путем добивается признания слушателей и тем самым обеспечивает объединение планов действий различных людей» [Марков, 2006, с. 336–337].

Коммуникация происходит в соответствии с обязательными правилами, которые «укоренены в структурах самой аргументации и не нуждаются в каком-либо внешнем авторитете, ибо признаются любым компетентным субъектом, включающимся в процесс общения» [там же, с. 333].

Коммуникация между индивидами строится, согласно Хабермасу, на диалогическом принципе. «При этом диалог понимается им как свободное взаимодействие индивидов, в котором индивидуальность не подавляется, а, напротив, проявляется во всем ее богатстве» [Зайцев, 2012].

Важным аспектом коммуникации является у Хабермаса признание общезначимости моральных норм, для чего необходима процедура их легитимации, т.е. «обоснования и оправдания с точки зрения справедливости» [Марков, 2006, с. 337], что реализуется коллектив-

¹⁸ Вряд ли можно согласиться с переводом данного термина на русский язык как «совещательная демократия», который используется в ряде изданий по теории демократии (см., например: [Хелд, 2014]), поскольку в таком случае ускользает смысл термина, связанный с латинским глаголом *delibero* – взвешивать (мысленно), обсуждать, обдумывать. На это справедливо указывает известный исследователь американской демократии Э.Я. Баталов [Баталов, 2010, с. 269].

ными, совместными усилиями участников коммуникации. Хабермас вводит понятие «этики дискурса», которая включает принципы как справедливости, так и солидарности. Он подчеркивает, что «согласно этике дискурса, та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как *участники практического дискурса* достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [Хабермас, 2001, с. 104].

Ключевым понятием у Хабермаса является понятие публичности, публичной сферы. «Публичность (Offentlichkeit) – сфера, в которой происходит презентация участниками общественной коммуникации своих частных интересов и мнений, которые интерпретируются и получают признание в качестве общественно значимых» [Назарчук, 2011].

Свою трактовку делиберативной политики Хабермас называет «процедуралистской» [Хабермас, 2008, с. 381], сопоставляя ее как с либеральной, так и с республиканской концепциями политики. Согласно либеральной концепции процесс формирования политической воли осуществляется через компромисс интересов, реализуемый через процедуры представительства. В республиканской концепции формирование политической воли осуществляется в форме «этического самосогласия», в основе которого лежит «фоновый консенсус граждан» относительно республиканских принципов. «Теория дискурса воспринимает элементы обеих сторон и интегрирует их в понятие идеальной процедуры совещания и принятия решений. Эта демократическая процедура устанавливает внутреннюю связь между *переговорами, дискурсами самосогласия и справедливости* и обосновывает предположение, что при таких условиях достигаются разумные и, соответственно, честные результаты» [там же, с. 392].

Однако, в отличие от республиканизма, теория дискурса «делает осуществление делиберативной политики зависимым не от коллективно дееспособной совокупности граждан, но от институционализации соответствующих процедур... Там совокупность граждан рассматривается как коллективный актор, рефлексирующий над целым и действующий ради него; здесь отдельные акторы функционируют как зависимые переменные во властных процессах, осуществляющихся вслепую, ибо по ту сторону актов индивидуального выбора не может быть никаких осознанно осуществляемых коллективных решений...» [там же, с. 395].

Таким образом, Хабермас подчеркивает роль индивидуальных акторов в реализации делиберативной политики, индивидов, которые сами делают выбор относительно своих позиций и следуют определенным процедурным правилам.

Реализация делиберативной политики зависит в трактовке Хабермаса от процесса институционализации процедур коммуникации, которые осуществляются как в форме совещаний парламентского корпуса, так и в сети коммуникаций в публичной сфере и которые «образуют арену, где может происходить более или менее рациональное формирование общественного мнения и политической воли по поводу значимых для всего общества тем и нуждающихся в регулировании дел» [Хабермас, 2008, с. 396]. Таким образом возникает коммуникативно производимая власть, которая через влияние общественного мнения на институционализированные формы (выборы, законодательство) трансформируется в административно применяемую власть [там же].

Оценивая перспективы делиберативной политики, Хабермас отмечает, что эта политика, присущие ей способы политической коммуникации зависят от «ресурсов жизненного мира – от свободолобивой политической культуры и от просвещенных форм политической социализации, прежде всего от инициатив ассоциаций, где формируются мнения...» [там же, с. 400–401].

Хабермас, со ссылкой на американского автора Майклмана, вводит понятие «делиберативности», под которой он понимает установку на социальное сотрудничество, открытость, готовность к дискуссии, и «делиберативной среды», т.е. условий для обмена мнениями и для влияния этих мнений в обобщенном виде на принятие решений. Он отмечает, что «спор мне-

ний, вынесенный на политическую арену, обладает легитимирующей силой не только в смысле предоставления доступа к властным позициям; скорее, последовательно проводимый политический курс обладает обязательной силой также и в отношении способа осуществления политического господства» [там же, с. 389]. И далее он делает важный вывод, касающийся легитимного функционирования власти: «Административная власть может применяться только на политической основе и в рамках законов, создаваемых в ходе демократического процесса» [там же].

Джон Ролз, автор известного фундаментального труда по «теории справедливости», вышедшего в 1975 г. [Ролз, 1995], так же, как и Хабермас, внес существенный вклад в обоснование важных постулатов делиберативной теории. Ролз сформулировал свою концепцию справедливости, в которой он видел «моральный базис демократического общества» [там же, с. 15], как альтернативу концепциям утилитаризма, в русле договорной теории – теории общественного договора Дж. Локка, Ж-Ж. Руссо и И. Канта.

Основная идея Ролза состоит в том, что «принципы справедливости для базисной структуры общества являются объектами исходного соглашения. Это такие принципы, которые свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены. Этот способ рассмотрения принципов справедливости я буду называть справедливость как честность» [Ролз, 1995, с. 25].

Люди, занятые в социальной кооперации, должны, согласно Ролзу, «решить заранее, как они будут регулировать свои притязания друг к другу и какова должна быть основная хартия их общества. Точно так же, как каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, т.е. систему целей, рациональную для их преследования, так и группа людей должна решить раз и навсегда, что считать справедливым и несправедливым. Выбор, который должен был бы сделать рациональный человек в этой гипотетической ситуации равной свободы, определяет принципы справедливости» [там же].

Концепция справедливости как честности подразумевает у Ролза некую гипотетическую ситуацию (аналогичную естественному состоянию в традиционной теории общественного договора), при которой все индивиды имеют исходно равное положение и выбирают принципы справедливости за «вуалью неведения» (veil of ignorance), т.е. пребывая в неведении относительно своего социального положения, роли в обществе и не имея собственных концепций блага. А поскольку «все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга» [там же, с. 25–26]. Таким образом, Ролз определяет участвующих в заключении общественного договора индивидов как равных моральных и рациональных личностей, имеющих определенные представления о справедливости и способность к пониманию блага.

Идеал общества, основанного на таком договоре, принимает у Ролза очертания «справедливой системы кооперации... между гражданами как свободными и равными личностями». Речь идет об обществе, где обеспечено честное равенство возможностей в сфере экономики и где действующие институты «поддерживают справедливую ценность политических свобод» [Ролз, 1995, с. 12].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.